

Ю.Ф. Кирюшин
Н.Ю. Кунгурова
Б.Х. Кадилов

**Древнейшие
могильники
северных
предгорий
Алтая**

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Алтайский государственный университет

Ю.Ф. Кирюшин
Н.Ю. Кунгурова
Б.Х. Кадиков

**ДРЕВНЕЙШИЕ МОГИЛЬНИКИ
СЕВЕРНЫХ ПРЕДГОРИЙ АЛТАЯ**

Монография

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛТАЙСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА
Барнаул – 2000

ББК 63.4

К 43

Рецензенты:

М. А. Демин, доктор исторических наук, профессор;

В. В. Бобров, доктор исторических наук, профессор

Научный редактор – академик *РАН В. И. Молодин*

К 43 Кирюшин Ю. Ф., Кунгурова Н. Ю., Кадиков Б. Х. Древнейшие могильники северных предгорий Алтая: Монография. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. 117 с.

ISBN 5–7904–0145–7

В монографии представлены уникальные материалы древнейших могильников и погребений, находящихся на территории Алтая. Рассматриваются вопросы их датировки, культурных связей, традиционной обрядности. Результаты исследований публикуются впервые в полном объеме. Работа содержит большое количество иллюстраций.

Книга рассчитана на археологов, этнографов, краеведов и широкий круг читателей, интересующихся вопросами археологии.

ISBN 5–7904–0145–7

© Ю. Ф. Кирюшин, Н. Ю. Кунгурова, Б. Х. Кадиков, 2000

© Алтайский государственный университет, 2000

ПРЕДИСЛОВИЕ

Целью настоящей работы является введение в научный оборот уникальных материалов ранних могильников предгорной зоны Алтая. Это могильники Усть-Иша, Большой Мыс и Костенкова Избушка.

Могильники Усть-Иша и Большой Мыс уже известны кругу исследователей эпох неолита и энеолита. Так сложилось, что материалы этих памятников явились своеобразной вехой в изучении истории древнейшего населения Верхнего Приобья. Они были необходимы в развитии культурно-генетических интерпретаций, проведении аналоговых связей. Эти могильники были единственными и уникальны, вместе с тем репрезентативны для своих временных рамок. Их материалы венчали экспозиции выставок Бийского краеведческого музея и не оставались незамеченными заинтересованными лицами. Однако неопубликованный материал не мог полностью отразить всей многогранности материальной культуры и традиций погребального обряда данных групп населения. Выборочные отдельные сведения вносили неточности в исследовательские концепции.

Могильники были открыты почти одновременно. В этом видится определенная ступень не только в изучении неолита-энеолита, но и в исследовании истории древнейшего прошлого заселения Алтая. Оба могильника были обнаружены непреднамеренно. Открытие Усть-Иши можно, скорее, назвать мистическим, нежели научным, когда факты существования захоронений и находки сами пришли к исследователю. В 1959 г. Б.Х. Кадиков нашел каменный шлифованный топорик на автобусной остановке в районе текстильной фабрики г. Бийска в галечной насыпи дороги. Он выяснил, что этот галечник привезен с устья р. Иши. Уверенность в существовании могильника пришла во сне. Такие сны иногда снятся археологам, но редко сбываются. Весной 1960 г. Борис Хатмиевич с небольшим отрядом школьников выехал в устье р. Иши и, выбрав мыс террасы, заложил шурф. На втором штыке лопата наткнулась на каменный топор, рядом с ним оказался крупный каменный кинжал. Так было выявлено погребение №1 могильника. В 1961 г. исследователь выехал со школьниками уже на целенаправленные раскопки. В состав отряда тогда входили Г. Бедарев, В. Косяков, В. Лобода, К. Щепачев, Б. Лапшин. Последний в дальнейшем связал свою жизнь с археологией. Сетка раскопа была сориентирована вдоль оси направления мыса, то есть с ССВ на ЮЮВ. Основная линия раскопа включила все выявленные в дальнейшем могилы. Боковые и дополнительные квадраты и шурфы на соседних мысах не принесли больше никаких материалов. В верхней части раскопок было выявлено поселение раннего железного века. Согласно методике полевых исследований, вначале выбирался и фиксировался

культурный слой эпохи раннего железа, содержащий остатки двух жилищ и включающиеся в него хозяйственные объекты и находки.

В 1954 г. зверовод с. Плешкова Бийского (ныне Зонального) района А.Д. Самбурский при рытье погреба на Большом Мысу оз. Большой Иткуль обнаружил погребение с четырьмя умершими. По его сведениям, в черепе одного из них торчал обломок каменного топорика (Кирюшин, Кадиков, 1980). Б.Х. Кадиков, начинавший работать в Бийском краеведческом музее, узнал о находках от директора Бийских художественных мастерских А.П. Маркова. Он заложил шурф на Большом Мысе и нашел могильник, а в 1962 г. начал его планомерные раскопки. Площадь могильника вскрывалась сплошным раскопом, в который, скорее всего, попала основная часть одновременных могил. Позже поиски продолжения могильника, проводимые экспедициями ИИФиФ СО РАН под руководством В.И. Молодина, ЛАиЭ АГУ под руководством Ю.Ф. Кирюшина, в разные годы, начиная с 1976 г., выявили лишь единичные разновременные могилы. Так, В.И. Молодиным в 1976 г. в разведочной траншее на Большом Мысу была вскрыта могила с парным захоронением (Молодин, 1999), а Ю.Ф. Кирюшиным на южном берегу залива Дергач, напротив Большого Мыса, на поселении Костенкова Избушка расчищено две могилы энеолитического времени (Кирюшин, 1983, с. 202). На самом мысу продолжения могильника обнаружено не было, во вскрытом раскопе на южной кромке мыса зафиксировано поселение Дергач финальной бронзы с валиковой керамикой и раннесредневековый могильник, часть погребений которого оказалась разрушенной (Кирюшин, Шемякина, 1979, с. 230).

В апреле 1968 г. Б.Х. Кадиков сделал сообщение о находках из могильников на заседании Урало-Сибирской группы Института археологии АН СССР. Представленные материалы вызвали огромный интерес коллег-археологов. С оригинальными находками был ознакомлен и А.П. Окладников, занимавшийся в те годы проблемами неолита Сибири. Его труды, в особенности по неолиту Прибайкалья, стали исходным рубежом для глубокого и полного понимания культур эпохи неолита ряда соседних с Прибайкальем областей.

В июле 1969 г. антропологические серии из могильников Усть-Иша и Большой Мыс были проанализированы В.А. Дремовым, который в 1973 г. опубликовал результаты предварительно, а затем в 1980 г. – наиболее полно (Дремов, 1973, 1980). Антрополог указал на восточное (байкальское) направление родственных связей населения, оставившего могильники Усть-Иша и Иткуль. Основные отличия исследователь видел в более выраженной, чем на Ангаре, Лене и Селенге, европеоидной примеси. Так, у черепов с Усть-Иши европеоидные признаки выступают наиболее выраженно, чем в серии черепов Иткуля. Выделяются черепа явно европеоидного характера (Дремов, 1980). Ев-

ропеонидные комбинации показателей ведут к аналогам средиземноморского расового типа. Эти черты, по мнению исследователя, наиболее отражают женские черепа из погребений №6 и №7 могильника Усть-Иша. В монографии, вышедшей в свет в 1997 г., В.А. Дремов рассмотрел эти материалы в комплексе с показателями из близких хронологически захоронений Верхнего Приобья и соседних территорий. В декабре 1982 г. антропологические материалы из погребений могильников Усть-Иша и Большой Мыс по просьбе администрации Томского государственного университета были переданы в ТГУ для хранения и исследований.

Могильник Костенкова Избушка был обнаружен при раскопках одноименного поселения в 1980–1981 гг. К рассматриваемой эпохе относилось два погребения.

Исследователи неоднократно пытались определить место этих материалов в истории заселения Верхнего Приобья. Все специалисты-археологи, касавшиеся вопросов датировки могильников Усть-Иша и Большой Мыс, приводят мнение Б.Х. Кадикова, якобы высказанное им на заседании Урало-Сибирской группы Института археологии АН СССР в апреле 1968 г. и опубликованное В.А. Дремовым, о том, что эти материалы датируются второй половиной III – началом II тыс. до н.э. (Дремов, 1980, с. 13). Б.Х. Кадиков, являющийся одним из соавторов данной работы, с полной ответственностью сообщает, что в своем докладе в апреле 1968 г., определяя хронологические рамки могильников, он отнес их к III–IV тыс. до н.э. и высказал предложение о более раннем возрасте Усть-Иши по сравнению с Большим Мысом. В 1973 г. В.И. Матющенко в своей обобщающей работе «Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья» включил могильники Большой Мыс и Усть-Иша в бийскую группу Верхнеобской неолитической культуры. Могильник Усть-Иша он отнес к первому этапу этой культуры и датировал III тыс. до н.э., а Большой Мыс – ко второму этапу, в рамках конца III – начала II тыс. до н.э. (Матющенко, 1973, с. 104–109). В 1978 г. А.П. Окладников и В.И. Молодин выделили могильники в Кузнецко-Алтайскую культуру, отметив, что в материалах Усть-Иши нашло отражение проявление «серовского клина» на территории алтайских предгорий (Окладников, Молодин, 1978, с. 19–20). В 1986 г. материалы могильника Большой Мыс послужили одной из составляющих для выделения Большемеысской культуры, локализующейся в предгорной зоне Алтая (Кирюшин, 1986, с. 14–16). Вначале датировка ее существования была определена III тыс. до н.э. (Кирюшин, 1988, 1991), а после получения абсолютных датировок погребения в Нижнетыткескенской пещере время ее существования было удревнено до второй половины IV тыс. до н.э. (Кирюшин, Шамшин, 1992, с. 208; Kiryushin, 1994, с. 230; Кирюшин, Кунгуров, Степанова, 1995, с. 42).

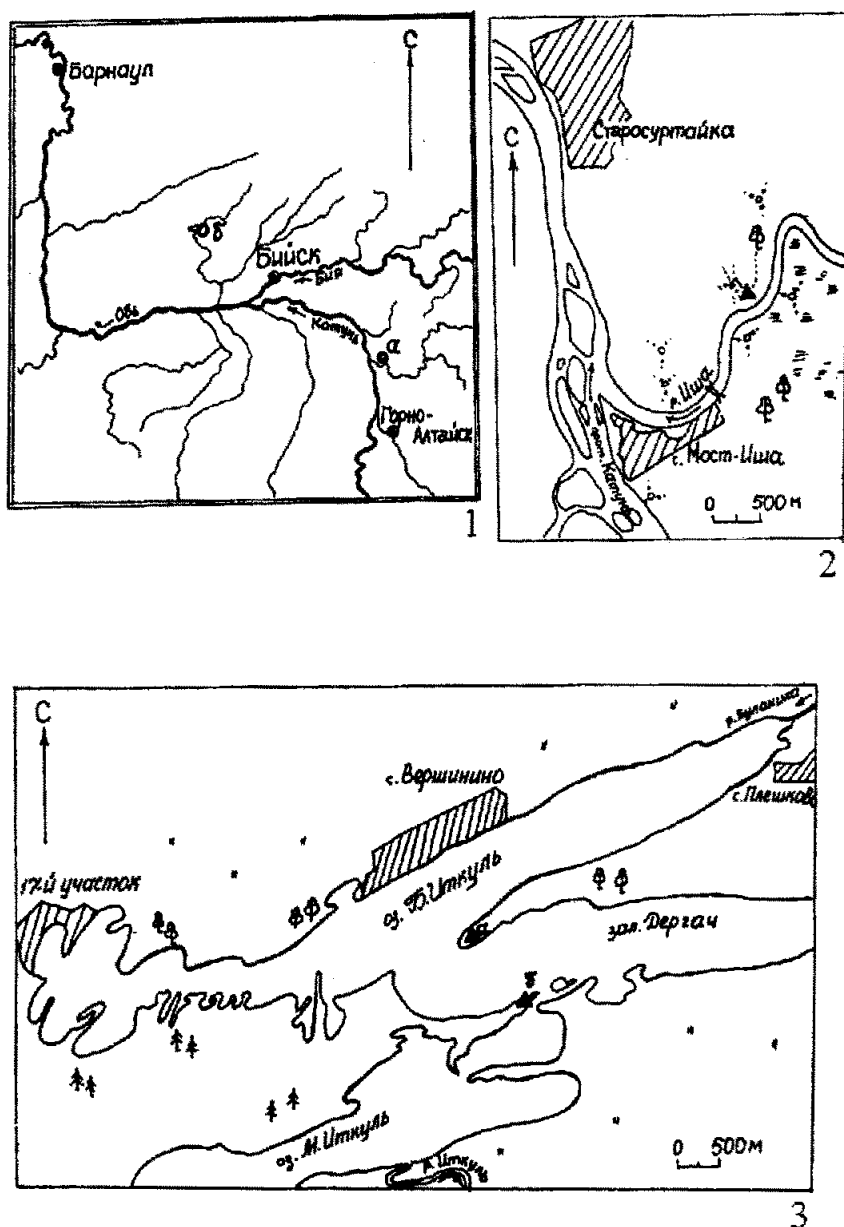

Рис. I. Схема расположения могильников
в устье р. Иша и на оз. Иткуль:

- 1) а – могильник Усть-Иша; б – могильники на оз. Иткуль;
- 2) ▲ – могильник Усть-Иша;
- 3) а – могильник Большой Мыс; б – погребения Костенкова Избушка

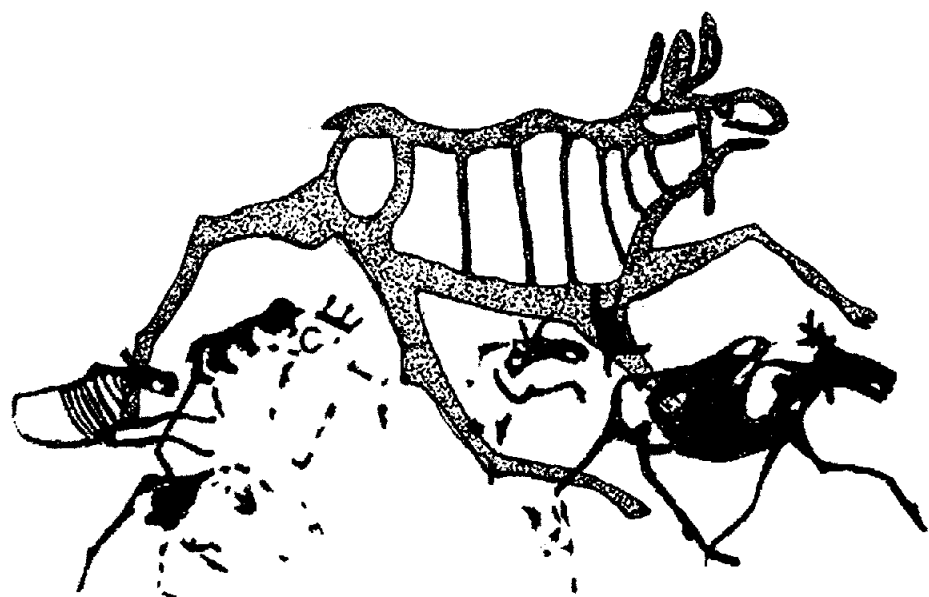
Могильники расположены в северной предгорной зоне Алтая, в долине нижнего течения р. Катунь и верхнего течения р. Оби на расстоянии 110 км по прямой линии друг от друга и в 150 км – по водному пути (рис. 1). На основе изучения истории социально-экономических процессов в заселении Сибири неоднократно отмечалось место Алтая, в особенности его предгорий, как средоточение расселения и миграций многих этнических групп. Здесь во все периоды истории отмечалась неоднородность и смешанность населения. Горы и равнина всегда существовали в противостоянии социально-экономических укладов, предопределяемых природными системами. Обь образовывала своеобразный рубеж природно-ландшафтных зон с характерными для них ресурсами: объектами промысла, сырьевой базой. Рассматриваемые нами памятники находятся в двух географических зонах. Могильники Большой Мыс и Костенкова Избушка расположены на оз. Иткуль, входящем в Бийско-Чумышскую возвышенность (рис. 1, 3) могильник Усть-Иша – памятник долины нижней Катунь, зоны низогорий Алтая (рис. 1, 2).

Оз. Иткуль расположено в юго-западной части Бийско-Чумышской возвышенности, на четвертой надпойменной террасе правобережья р. Оби. Рельеф озера и террасы в этом районе – песчано-грядовый с распространенными боровыми массивами. Озеро находится на границе Верхне-Обского бора и Бийско-Чумышской лесостепи. Расположение района в пограничной зоне между равнинами и горами, а также пересеченный рельеф местности накладывают отпечаток на формирование мягкого климата.

Местность долины Нижней Катунь низкогорная. Для рельефа характерны небольшие хребты, вытянутые в разных направлениях и изрезанными долинами небольших речек и ручьев. Иша является правым и самым крупным продолжительным притоком р. Катунь в нижнем ее течении. Здесь распространены степные и лесостепные ландшафты, включающие смешанные леса березы, осины, комплексы сосновых и березово-сосновых лесов, спускающихся по склонам, переходящие в таежную зону в верховьях реки.

При определении зубов животных из могильников использовались результаты отдельных исследований сотрудника зоологического музея Томского государственного университета С.С. Москвитина, сотрудника Алтайского госуниверситета А.В. Гальченко. Мы благодарны П.А. Косинцеву за оказанную консультационную помощь.

Настоящая работа предлагает широкому кругу заинтересованных читателей и исследователей материалы могильников. В течение длительного времени, прошедшего с момента раскопок, часть документации оказалась утерянной, поэтому многие ее детали подлежали восстановлению. Так, остались невосполненными информационные пробелы по картографической ситуации части могил Усть-Иши.

Глава 1. МОГИЛЬНИК УСТЬ-ИША

1. Общая характеристика

Могильник Усть-Иша находится в двух километрах выше по течению р. Иши от с. Мост-Иша и в трех километрах от впадения ее в р. Катунь.

Могильник располагается на небольшом выступе высокой террасы правого берега р. Иши на высоте 11–13 м над уровнем воды, в устье ручья, впадающего в р. Ишу. Мыс шириной 15–20 м ограничивается с восточной стороны распадком, с западной – крутым склоном, имеет плоскую поверхность со слабым наклоном в сторону р. Иши, заканчивающимся высоким спуском к реке. На поверхности мыса и далее по краю террасы виднелись западины жилищ эпохи раннего железа.

В 1961 г. вдоль оси этого мыса был заложен раскоп с дополнительными траншеями, общая длина которых составила 63 м (рис. 1, 2). На всем протяжении раскопа фиксировался культурный слой поселения эпохи раннего железа (V–I вв. до н.э.) (Абдулганеев, Кадиков, 1991, с. 66). Он содержал хозяйственные ямы, очаги, фрагменты керамики, кости животных, а также некоторые фрагменты костей человека, скорее всего, выброшенные из могил. Мощность культурного слоя поселения варьировала в пределах 15–20 см. Слой находился в гумусовом горизонте. Могильные пятна были выявлены под поселением на глубине 30–40 см от дневной поверхности в переходном темно-буром горизонте рыхловатого суглинка.

В общей сложности на Усть-Ише насчитывалось 14 погребений и останков погребенных. Из них, по определениям В.А. Дремова, 4 – мужских, 4 – детских, 4 – женских, 2 – сомнительных, предположительно, мужских (см. табл.). Достоверно неолитическими следует считать 11 могил, которые составляют основную часть всего могильника.

Три погребения существенно отличались от неолитических и, по-видимому, принадлежали к более поздним историческим периодам. К сожалению, культурно-хронологической интерпретации поддается только одно из них: погребение женщины, захороненной на глубине 2,15 м в вытянутом положении на спине и ориентированной головой на ЗСЗ. Сопроводительный инвентарь представлен каменной курильницей, пряслицем, шиловидной булавкой и бронзовым ножом. Погребение относится к скифскому времени (Абдулганеев, Кадиков, 1991, с. 64–67). В остальных по-

гребениях располагались захоронения: человека, уложенного скорченно на левом боку головой на ССЗ без вещей (рис. 3–2) и человека в положении на спине с подогнутыми ногами, завалившимся вправо, головой на ЗСЗ. В слое поселения и в переходном горизонте были обнаружены отдельные кости еще трех человек, вероятно, передвинутые из погребений во время функционирования поселения. Их первоначальное место расположения и принадлежность установить не удалось.

Погребения неолитического могильника располагались в один ряд вдоль мыса в направлении с ССЗ на ЮЮВ, основной осью пересекая русло р. Иши. Погребенные ориентированы головой на СВ, в соответствии с доминирующим направлением р. Иши, – головой вверх по течению. Аналогичная закономерность размещения и ориентации захоронений была отмечена А.П. Окладниковым в некоторых серовских и китойских могильниках Прибайкалья. Наиболее важными, на наш взгляд, для сопоставлений являются такие черты сходства, как восточная ориентация с небольшими отклонениями к северу и югу, размещение небольшими группами захоронений на мысах вдоль края террасы в месте расширения речной долины на высоком увалистом берегу крупной реки – притока (Окладников, 1950, с. 64–65).

Многие неолитические могилы безынвентарны, кости фрагментированы, во многих случаях были представлены неполно. На отдельных участках, в самом поселенческом слое встречались фрагменты черепной крышки, зубы. Погребения №1–3 и 12 были потревожены деятельностью жителей поселения. На уровне могильных пятен, по их периметру, а также в некоторых случаях со стороны ног и головы находились небольшие каменные плиты. В почвенных горизонтах, слагающих рыхлые отложения террасы, всюду прослеживаются включения камней и плитняка метаморфизированного сланца. Он же слагает и цоколь террасы. Однако следует отметить, что обкладка могил – явление самостоятельное. Вероятно, полностью кладки не сохранились в первоначальном виде в связи с хозяйственной переработкой почвы в районе поселения. Этот могильник – единственный в своем роде, не имеющий аналогий на Алтае, поэтому принцип надмогильного устройства пока не совсем понятен.

Могильные ямы неглубокие. Их глубина достигает 0,45–0,70 м от дневной поверхности.

Погребение №1 было устроено на глубине 0,40–0,45 м от дневной поверхности. Размеры пятна могильной ямы – 250 x 75 см. Над областью черепа располагалась круглая очажная (?)

выкладка из камней (диаметр 80–90 см), видимо, принадлежавшая слою поселения раннего железа. Она была выложена по периметру крупными валунами, в центре заполнена мелким камнем, гальками. Скорее всего, устройством выкладки можно объяснить раздавленное состояние черепа и отсутствие левой половины костяка. Мужчина 25–35 лет захоронен вытянуто на спине, головой на СВ (рис. 4). Одна берцовая кость перемещена в западный конец погребения, другая – отсутствовала. С внешней стороны правой руки лежал крупный топор, под ним – 3 каменных стерженька рыболовных крючков и заготовка стержня, с правой стороны груди – крупный каменный кинжал (рис. 20, 25–23–26). Под локтевым суставом правой руки находилось скопление резцов грызуна (бобра?). Кроме того, в районе левого плеча обнаружены 2 отщепа. Общая длина погребенного – 1,60 м.

Погребения №2, 3. На глубине 0,40–0,50 м от дневной поверхности лежали скелеты двух человек: ребенка 7–9 лет и женщины 25–35 лет. Верхняя область скелетов была уничтожена могилой раннего железного века. Остальные кости лежали в анатомическом порядке, но сохранились не полностью. По ним можно заключить, что ориентация погребенных – восточная и что погребение, скорее всего, парное. Размеры сохранившейся части погребений – 0,90 – 0,50 м (рис. 1–2).

Погребение №4. Скелет мужчины 30–35 лет лежал вытянуто на спине, на глубине 0,45 м от дневной поверхности, головой на СВ, затылок приподнят, руки – вдоль туловища (рис. 5, 6). Возле пояса находились крупный каменный кинжал и костяной вкладышевый кинжал. Под левой ногой лежали отщеп и костяное шило (?). В районе черепа и туловища найдено большое количество костяных нашивок и подвесок. На черепе располагались нашивки восьмерковидной формы. В левой половине туловища украшения рыбковидной формы образовывали цепочки и ряды (рис. 5; 24–5). Они огибали левую руку, наиболее плотно концентрировались в верхней части крестца, определяли границу по верхней трети таза. В области левого локтя – до середины плечевой кости – располагались нашивки из мелких зубов животного, резцов грызуна (сурка либо бобра). Такие же украшения находились на среднем участке правой плечевой кости. Крупные зубы животного размещались цепочкой со стороны спины – от правого плеча до пояса, затем образовывали скошенный ряд между бедер человека, несколько экземпляров отмечено под тазовыми костями. Длина погребенного – 1,60 м.

Погребение №5 – фрагментированное детское, находилось обособленно между захоронениями №1 и №2, 3. В анатомическом порядке лежали только кости ребер, лучевая кость правой руки, плечевая кость левой руки, единичные фрагменты таза. Все это соответствовало стандартному положению погребенных – вытянуто на спине с ориентацией головы на СВ. В правой половине скелета в районе пояса находились 2 костяных кинжала (рис. 7; 23–2, 3). В погребении богато представлены украшения: нашивки восьмерковидной формы и подвески из зубов марала (рис. 12–3). Они располагались рядами по четыре, по пять штук в каждом и концентрировались в правой стороне груди погребенного – под кинжалом и рядом с ним. Размеры погребения 0,31 x 0,22 м.

Погребение №6 находилось на глубине 0,30 м от дневной поверхности. Кости сильно разрознены и присутствовали в могиле не полностью. Однако размещение костей рук, крестца, таза и черепа указывает на вытянутое положение погребенного на спине. Череп фрагментирован, лежит на правой стороне. Судя по всему, умерший был уложен головой на СВ. Украшений и вещей погребение не содержало. Исключение составляет единственный наконечник дротика, находящийся в 25 см слева от погребенного (рис. 8). Общая длина погребенного – 1,52 м. Антропологическая диагностика пола у исследовавшего кости В.А. Дремова в 1969 г. вызывала сомнения в связи с массивностью лицевых костей, возраст человека им определен в 40–50 лет.

Погребение №7. Могильное пятно прослеживалось с глубины 0,28 м. Скелет женщины 20–30 лет располагался на глубине 0,70 м от дневной поверхности вытянуто на спине, головой на ЮВ. Левая рука вытянута вдоль туловища, правая чуть согнута в локте и положена на таз. Череп женщины раздавлен, повернут на левую сторону (рис. 9). Реберные кости скелета сохранились плохо, тазовые кости раздавлены, кости позвоночника отсутствуют. В области шеи располагалось несколько подвесок из зубов марала и лося. Две подвески, найденные в пустующей нижней части грудной клетки, по-видимому, происходят из предыдущего скопления. Длина скелета – 1,62 м.

Черепы погребений №6 и №7 находились на расстоянии 0,40 м друг от друга.

Погребение №8. Мужчина 25–30 лет лежал вытянуто на спине головой на СВ, руки – вдоль туловища (рис. 10). Правое плечо вывернуто внутрь, голова чуть склонена и повернута на левую сторону (рис. 11, 12–2). В поясной части скелета находилось че-

тыре кинжала, сгруппированных по два (рис. 22–3, 4), в центре – укороченный каменный кинжал и крупный костяной кинжал (рис. 21–2), на правом боку – два одинаковых вкладышевых кинжала. В 30 см от левой бедренной кости располагалось компактное скопление из 16 наконечников стрел (рис. 25–1–8). Погребение богато украшениями из бисера, костяных нашивок, подвесок. Россыпь бисера находилась напротив левой плечевой кости на участке 15 x 30 см. Здесь же, вдоль руки, зафиксированы скопления подвесок из крупных резцов марала, лося, бобра, две полые косточки птицы. В общей сложности было отмечено 3–4 скопления – «связки» из крупных резцов животных. Бисер также был отмечен на участке от пояса до середины бедренных костей. В верхней части между бедренных костей находилось две створки ракушки-зубчатки. В правом боку в области пояса, последовательно спускаясь полосой до верхней трети таза, располагались восьмерковидные костяные нашивки (рис. 14, 15). Левую половину скелета украшали «лепестковые» подвески из зубов марала. Они спускались вдоль левой руки, огибая ее и плотно группируясь в области локтя. Сдвоенные подвески из зубов лося располагались под скелетом вдоль позвоночника. На черепе – вдоль затылка, лба, темени и в их области – концентрируются нашивки из зубов мелкого парнокопытного животного (косуля) (рис. 13). Только в скоплении на лобной части насчитывалось 15 таких нашивок. Длина погребенного – 1,70 м.

Погребение №9. Скелет мужчины 50–60 лет захоронен на глубине 0,45 м от дневной поверхности. Яма могилы имела размеры 2,05 x 0,58 – 0,80 м. Положение погребенного – вытянутое на спине, руки вдоль тела, голова слегка наклонена вперед и влево (рис. 12–1). Ориентация – северо-восточная. На левой руке острием к пальцам лежал костяной кинжал (рис. 16). Туловище погребенного богато украшали «лепестковые» подвески из зубов марала. Они распространялись в районе плечевых костей, огибали кинжал и с правой руки спускались на правый бок. Ниже трети таза они не наблюдались. Скопления подвесок из крупных зубов животного замечены с внешней стороны левой руки. Подвески иного типа (3 шт.) из длинных зубов животного находились у коленей между бедренных костей. Под левой половиной таза лежали два наконечника стрел (рис. 27–19–22). Над головой погребенного лежал крупный орнаментированный «утюжок» и наконечник гарпуна с каменным «удлинителем (?)» (рис. 25–22, 26–3). Длина погребенного – 1,70 м.

Погребение №9 завершало северный могильный ряд.

Погребение №12 (а, б) было потревожено деятельностью жителей поселка раннего железа. В погребении захоронены два подростка. Их скелеты состояли в основном только из длинных костей, выложенных в анатомическом порядке, головой на СВ (рис. 17, 18). В погребении 12б отсутствовала левая половина туловища. Кости ног были сломаны и находились в беспорядке, но на месте сохранились кости стоп. Длинные кости и фрагменты черепа скелета лежали выше погребенного на уровне культурного слоя поселения. Черепа подростков были раздроблены, а у погребенного 12б прикрыты сланцевыми плитками. Крупная сланцевая плитка находилась в области таза. Погребенных сопровождали многочисленные подвески, вещи. По центру туловища в захоронении 12а зафиксировано 3 скопления подвесок из зубов животных: одно скопление в области пояса состояло из восьмерковидных нашивок. Ниже, у таза, находились подвески из зубов марала. Вдоль левой руки размещались 3–4 скопления зубов мелкого копытного животного, мелких трубчатых косточек – пронизок и бисера (рис. 19). В запястье левой руки это скопление сочеталось с плотным скоплением бисера. У голени также зафиксировано небольшая группа нашивок из мелких зубов парнокопытного животного (косуля?). На правом боку у таза лежал короткий каменный кинжал – нож, рядом – костяной вкладышевый кинжал (рис. 21–1, 22–1). У погребенного 12б возле пояса на правом боку находился крупный каменный кинжал, ниже, на уровне бедер, – справа между разрозненных костей лежал каменный нож (рис. 24–2), рядом слева находились кусочки гематита со следами состругивания, туда же попала керамика, вероятно, из поселенческого слоя. В пустующей области таза слева россыпью лежали каменные наконечники стрел, небольшое скопление нашивок из мелких зубов парнокопытного животного (косуля?), марала, трубчатых мелких косточек. На запястье правой руки располагалось скопление из мелких зубов косули (?). Над черепом лежали две пластины-украшения из клыков кабана. Длина погребенных – 1,7 м, что, скорее, превышало их реальную длину. Отсутствие суставов и малых костей скелетов указывает на факт вторичного захоронения умерших после разложения мягких тканей.

2. Погребальный инвентарь

Погребальный инвентарь присутствует в основном в мужских захоронениях, женские могилы, как правило, безынвентарны. Женские костяки сопровождалась скудными украшениями, амулетами.

Вещи из мужских погребений составляют однородный по технико-морфологическим критериям комплекс. Во всех погребениях мужчин находились сходные типологически и по предназначению вещи: каменные и костяные кинжалы, наконечники стрел. Единично представлены ножи, топор, «утюжок», стерженьки рыболовных крючков, но и они выполнены в единой технологической традиции. Украшения, являющиеся обязательным атрибутом мужских погребений, выложены в определенной характерной системе.

Каменные изделия

Кинжалы: 4 крупных кинжала обнаружены в погребениях №1, 4, 8, 12 (рис. 20–2, 21). Кинжалы изготовлены из черного кварцита. Они листовидной формы с прямой базой, и лишь у одного из них основание клиновидное. Концы острий у всех кинжалов обломаны. Изделия имеют следующие размеры:

1) погребение №1: длина – 28,5–30 см, ширина – 5 см, ширина основания – 2,5 см;

2) погребение №4: длина – 30–31 см, ширина – 4,5 см, ширина основания – 2,8 см;

3) погребение №12: длина – 24,7–25,5 см, ширина – 4,3 см, основание заострено;

4) погребение №8: длина 19–19,5 см, ширина – 4,2 см, основание – 1,7 см.

Кинжалы изготовлены в общей традиции бифасиального расщепления на высоком, выработанном, технологическом уровне производства тонких двусторонних форм. Их поверхности сформированы встречными параллельными сколами, так что концы фасеток, перекрываясь, плавно переходят друг в друга. На массивных участках острий и основаниях кинжалов фасетки образуют ребро стыка. В двух случаях край торца, в одном – края острия подработаны притупляющей ретушью.

Ножи и наконечник дротика выполнены аналогичным способом, что и кинжалы. Ножи из могилы №12 – скошенной листовидной формы, изготовлены из поперечно сбитых отщепов темно-серого прожилчатого кварцита. У одного ножа (1) (рис. 24–1) один край прямой, другой – выпуклый. Нож оформлен с двух сторон крупными встречными фасетками. Обработку его выпуклого края дополняет крутая крупная ретушь. Величина ножа 12,8–13 см х 4. Этот инструмент – однолезвийный. У другого ножа (2) (рис. 24–2) встречная ретушь оформляет только края. Массивный участок ударного бугорка и острия предварительно уплощены крупными

параллельными снятиями. Величина ножа 11,5 x 5,8 см. Наконечник дротика из могилы №6 (рис. 24–3) имеет листовидную форму с короткой базой, изготовлен из кварцитового отщепа. Его тело с двух сторон оформлено встречными снятиями. Края подправлены ретушью.

Наконечники стрел обнаружены в могилах №8, 9, 12. Их формы двух типов:

- 1) листовидные с прямым основанием;
- 2) треугольные с широким вогнутым основанием (выделенными шипами).

К этим типам близки нестандартные наконечники ромбовидной формы и фрагмент зауженной черешковой части изделия (рис. 25–13, 15). Все наконечники оформлены встречными узкими фасетками ретуши, перекрывающими обе плоскости. У них подправлены базы.

«Утюжок» из погребения №9 имеет крупные размеры: 11 x 5,2 см, толщину – 2,8 см (рис. 25–22). Поверхность его полностью шлифована, спинка и бока – орнаментированы с помощью техники процерчивания и выбивки. На изделие нанесены скошенные зубчатые линии, на одном боку линии соединяются углами. «Утюжок» имеет поперечный же лоб с округлым дном, глубина которого – 1,3 см, ширина – 1 см. Поверхность желобка отшлифована вдоль. Однако часть тела «утюжка» повреждена случайным сколом, произведенным со стороны желобка. По исследованиям подобных изделий, «утюжки» использовались с целью выпрямления и шлифовки древков стрел и основ орудий.

Топор, найденный в погребении №1 (рис. 20–1), имеет размеры 20,2 x 6 см, толщина – 3 см. Он вытянутый, прямоугольный, с узким овальным лезвием. Плоскости топора оформлены встречными широкими фасетками сколов, края подправлены мелкими круглыми фасетками. Рабочая часть, в основном – край, подшлифованы. Лезвие несет следы сбитости.

Основания рыболовных крючков обнаружены в погребениях №1, 9. В основном они единообразны: цилиндрической формы с выпуклой и плоской сторонами, различаются массивностью (рис. 25–23, 25–26). Изделия полностью шлифованы, соединены круглым крепежным концом и головкой с плечиками, снабжены прорезью для крючка. Устройство прорези осуществлялось двумя способами: головка разделена пропилом и желобком для установки крючка; желобок для крючка прорезан повдоль головки с плоской стороны изделия. Формы таких оснований рыболовных крючков находят аналогии в китайских стерженьках Прибайкалья.

Костяные изделия

Кинжалы находились во всех мужских могилах. Их 8 экземпляров. Все эти кинжалы однообразны (рис. 22, 23, 26–1), за исключением двух из погребения №8. Их стороны уплощены и даже вогнуты к средней оси, вдоль обоих краев проходят пазы для вкладышей. В рукояточной части вырезано отверстие для продевания ремня. Во всех кинжалах, за исключением экземпляров из погребения №8, вкладыши полностью или частично отсутствуют. По сохранившемуся единственному вкладышу в пазу кинжала из погребения №12а можно заключить, что эти пазы были все-таки оснащены вкладышевыми пластинами с мелкой краевой ретушью. Мелкая ретушь оформляла рабочий край, крупная – формирующая – наносилась для плотного закрепления в пазу. Это также подтверждают сохранившиеся полностью кинжалы с вкладышами из могилы №8. Они несколько отличаются от остальных кинжалов, но совпадают с ними по размерам. В рукояточной части одного из них отсутствует отверстие. У другого – оно очень узкое (рис. 22–3, 4). У первого кинжала – узкое тело, округлое в сечении. Второй, как и все остальные кинжалы, уплощен, но имеет выделенное клиновидное острие с заостренными краями. Края этого кинжала оснащены вкладышами, их отсутствие на острие компенсируется заостренными краями. Тот же принцип выдержан на предыдущем инструменте. Костяные кинжалы Усть-Иши имеют аналогии в могильниках серовской группы Прибайкалья.

Гарпун. Единственный наконечник гарпуна обнаружен в головах погребения №9 (рис. 26–3). Он снабжен противоположными зубьями по три на каждой стороне, чередующимися в последовательном порядке. Крепление его – треугольное – плечиковое. Длина изделия – 12,5–14,5 см. Форма гарпуна не идентифицируется с гарпунами Прибайкалья, однако принцип изготовления треугольной крепежной части и последовательное расположение зубцов в обоюдном сочетании имеют сходство с гарпунами серовского и китойского типов.

Украшения из погребений можно условно назвать подвесками и нашивками. Подвески с отверстиями для подвешивания изготовлены из резцов марала, лося, крупного хищного животного (волка либо медведя), клыков животных из семейства куньих. Нашивки крепились на вещах иным, чем подвески, образом. Они подразделяются на нашивки, изготовленные из резцов мелких парнокопытных животных, крупных грызунов, например, бобра, плоские нашивки, вырезанные из кости в различных конфигурациях, на-

шивки из раковин (бисер), нашивки-пронизки из мелких трубчатых костей, украшения, сделанные из пластин кабаньих клыков. Подвески использовались без формоизменения. В них имели значение естественная форма и сакральный смысл, заключающийся в принадлежности тому или иному виду животных. Исключение составляют подвески из зубов марала каплевидной формы («лепестковые»). Они уплощены и стандартизированы, заполированы (рис. 24–4). Нашивки, как правило, специально изготавливались по традиционным стандартам. В погребениях вырезные нашивки четырех видов: восьмерковидные, рыбковидные с треугольным окончанием, резные – из кости и круглые с отверстием посередине (бисер) – из раковин. К этой же группе украшений следует относить пластины из клыков кабана.

В расположении подвесок и видов нашивок прослеживается определенная закономерность.

Формы нашивок, вырезанных из кости, выполнены в единой системе, в соответствии с определенной модельной основой, включая очертания, пропорции, сырье. Морфотипы, условно именуемые как «восьмерковидные», «рыбковидные», «фигурные», подчинены образу, в основе которого лежит лепестковая модель. То есть в их формах – сдвоенные лепестки, либо то же самое, где один из лепестков фрагментирован, либо – это лепесток с разветвленным отростком. Исключение составляют нашивки с симметричными зубчатыми разветвлениями (мог. №8).

Восьмерковидные нашивки встречены в трех погребениях (№5, 8, 12), где они, как правило, располагались возле пояса погребенных на левой стороне. Они концентрировались группами, составляя короткие ряды, цепочки (рис. 24–5). Это хорошо наблюдалось в погребении №5, где они образовывали четыре группы по 4–5 нашивок в каждой, располагались под парой кинжалов и рядом с ними. В погребении №4 восьмерковидные нашивки размещались поодиночно на черепе: лбу, висках, затылочной части, в стороне от висков. Они были нашиты, скорее всего, на головной убор в симметричном порядке. В погребении №8 они размещаются в районе пояса захороненного – справа вдоль позвоночника чуть изогнутой цепочкой, скорее всего, окаймляющей край детали несохранившейся одежды либо орнаментальной композиции. Как бы начало этой цепочки от ворота до груди составляли фигурные зубчатые нашивки.

Рыбковидные нашивки составляли основную часть украшений в погребении №4 (рис. 24–5, 15). Их длина колеблется от 1,3 до 2 см. Все они находились в левой половине костяка, занимая область от

ключицы до верхней трети таза. Асимметрия их расположения на погребенном не находит этнографических аналогов в народных костюмах. Как правило, распределение орнаментальных композиций и деталей сложных костюмов сибирских народов подчинено гармоничной симметрии. В общей картине распределения нашивок все же фрагментарно улавливаются отдельные короткие ряды, образованные четырьмя, пятью последовательно расположенными нашивками. В основном они сориентированы хвостиками вверх. Большое хаотичное скопление нашивок в области позвоночника – крестца совпадает с расположением каменного и костяного кинжалов. Беспорядочные цепочки нашивок как бы огибают левую руку, пересекают наискось левую сторону грудной клетки.

Перламутровый бисер в погребениях №8 и №12 рассыпан в беспорядке (рис. 15, 19, 26–4). Бисерины изготовлены из раковины, они круглые, различного диаметра, от 0,3 до 0,6 см, а в погребении №12 – до 0,8 см. В погребении №8 они в основном сконцентрированы слева от руки погребенного, а также в области тазовых костей и верхней половины бедер – на ногах и между ними. Иногда бисерины встречаются сгруппированно, а также в наложенном друг на друга порядке.

Нашивки из резцов мелкого парнокопытного животного (козули) обычно располагались плотными скоплениями у нижней части правой локтевой кости (№1, 4). В погребении №12 их скопление зафиксировано в районе запястья правой руки погребенного. Подобными нашивками был обшит несохранившийся головной убор в погребении №8, на котором фрагментарно они распределялись короткими рядами по 4–5 штук и также плотными скоплениями (рис. 19).

Подвески из резцов марала («лепестковые») в погребении №9 размещались вдоль обеих рук мужчины, огибали плечевую кость правой руки, спускаясь до таза, лежали на локте и огибали локтевую часть и кинжал, спускаясь до запястья. Ниже верхней трети таза подвески не распространялись. Подобные подвески в погребении №8 размещались по такому же принципу, что и в могиле №4: в левой стороне грудной клетки наискось огибали левую плечевую кость, концентрировались в локте и в центральной области пояса. «Лепестковые» подвески изготовлены из зубов марала. Они одинаковых пропорций и близки по размерам и толщине. Их поверхность несет следы спиливания и шлифовки (рис. 24–4).

Нашивки из клыков кабана найдены в погребении подростка (126) в районе головы. Для взрослых погребений этот тип украшений не характерен. Нашивки изготовлены из расколотых

повдоль клыков кабана. На их концах просверлено по одному – два круглых отверстия для прикрепления украшений к основе либо друг с другом (рис. 26–2).

3. Погребальный обряд могильника

Вследствие неполно сохранившейся документации и разрушений могильника деятельностью поселения восстановить отдельные детали погребального обряда оказалось довольно сложно, но все же остановимся на характерных для могильника признаках:

1) устройство могил в ряд, вытянутый по оси мыса с ЮЮЗ на ССВ перпендикулярно руслу р. Иши;

2) традиционная ориентация погребенных – головой на восток и северо-восток. Причем женщины более устойчиво, чем мужчины, ориентированы на восток; традиционное положение погребенных – вытянутое на спине, руки – вдоль тела. Приподнятое состояние затылка дает основание считать, что под головы подкладывались «подушечки». В таком случае лица покойных были обращены на запад;

3) при захоронении детей применялся обряд частичной кремации и двухэтапного захоронения;

4) дифференцированное группирование могил по половому принципу. Так, женщины были захоронены только на определенном участке погребального ряда – южнее всех остальных могил. Мужские захоронения сгруппированы по два-три. Захоронение ребенка (мальчика) было помещено обособленно между обеими группами;

5) сопроводительный инвентарь распределялся в могилах по половому признаку;

6) керамика в могилы не ставилась.

Погребальные комплексы могильников – информативный источник, открывающий перспективы в реконструкции социальной сферы и решении вопросов демографической ситуации населения Катуня. В материалах погребений выражено локальное своеобразие культуры, конкретная обрядовая практика.

По составу захоронений и половозрастному признаку возрастной уровень смертности мужчин и женщин одинаков – 25–30 лет. Лишь одна женщина была похоронена в возрасте 40–50 лет и один мужчина в возрасте 50–60 лет. Возраст остальной части погребенных – молодой, самый перспективный, репродуктивный,

мобильный. Без сомнения, смерть для них была преждевременна, однако признаки ее причины не установлены.

Результаты антропологического анализа могильника, выполненного В.А. Дремовым, помещены в сводную таблицу. Учитывая выводы исследователя и опираясь на фактологический набор вещественных комплексов, мы внесли дополнения и уточнения по половому составу погребенных (см. табл.). Из 11 неолитических погребений только 7 содержат сопроводительный инвентарь, в шести из них находился богатый набор украшений. Предметный комплекс в женских и мужских захоронениях различался. Мужчин, как правило, сопровождали промысловые инструменты, среди которых распространено охотничье – боевое оружие. Нашивки и подвески у мужчин изобилуют. Женские погребения бедны и безынвентарны. Учитывая это различие, мы склонны рассматривать безынвентарные погребения как женские. Украшения в них либо совсем отсутствовали, либо находились в очень небольшом количестве в области шеи или груди. Так, например, в погребении №7 подвески из зубов марала и лося, возможно, составляли обшивку ворота, украшали прическу либо концы длинных краев головного убора. Сдвоенное погребение №2, 3, принадлежавшее женщине и ребенку, было разрушено в головной области врезкой погребения эпохи раннего железа. Тем не менее никаких предметов и украшений в сохранившейся части не было зафиксировано. Оба костяка одинаково ориентированы. Это приводит к выводу, что неопределимый детский костяк принадлежал девочке. Кости погребения №6 были массивны, но полностью не сохранились. По этой причине антропологическое определение половой принадлежности человека вызвало у В.А. Дремова некоторое затруднение. Устойчивый принцип женских захоронений без инвентаря дает основание считать это погребение женским. Вместе с тем детское погребение №5, которое содержало тот же набор вещей и украшений, что и погребения взрослых мужчин, следует рассматривать как мужское. Аналогично стандартам в двойном погребении подростков №12а, б сопроводительный материал соответствует мужскому.

В погребениях №4, 5, 8, 9, 12а, б отчетливо прослеживается определенная система в размещении вещей и украшений, изделий, сопровождающих покойных. Во всех этих погребениях находились стандартные типы кинжалов. Крупные каменные кинжалы размещались обычно в центральной части у пояса – на тазовых костях. В погребениях №12б и №1 эти кинжалы смещены

в правую сторону. В погребении 12а короткий кинжал стандартного типа был на правом боку погребенного.

Размещение костяных вкладышевых кинжалов, так же как и кинжалов с пазами для вкладышей, строго не определено. В погребениях №8 и №5 такие кинжалы парно располагаются в правой стороне на поясе и тазе (рис. 7, 10). Их острия направлены вниз. В погребении №4 вкладышевый кинжал лежал на левом боку погребенного в районе его таза в скошенном положении (рис. 5, 6). В могиле №9 кинжал находился на левой руке мужчины, острием между большим и указательным пальцами (рис. 16). Таким образом, мужские погребения сопровождаются набором кинжалов, как правило, парным, и в некоторых случаях – наконечниками стрел, присутствием большого количества нашивок, подвесок. Общая функциональная направленность набора инструментов характеризует мужскую группу как охотников. Судя по сопроводительному инвентарю ребенка, подростков, охотником становился мальчик с самого раннего возраста, пусть даже в сакральном значении.

Принципы захоронения детей и стариков заслуживают особого внимания. Неполное наличие костей в скелетах ребенка из могилы №5 и подростков из могилы №12 указывает, что тела детей и подростков вначале помещали в ином месте, может быть, на дереве, помосте, либо в специальном помещении, а потом предавали земле на общем кладбище. Захоронение старика из могилы №9 отличается от остальных мужских захоронений только составом инвентаря. Сопроводительный инвентарь погребения №9 несколько нестандартный: единственный вкладышевый кинжал на левой руке, стерженьки рыболовных крючков, утюжок и наконечник гарпуна выделяют захоронение из всей мужской группы. Функциональный уклон инвентаря здесь скорее направлен в сторону рыболовства и изготовления орудий промысла, не требующих от человека мобильности охотничьего передвижения. Оружие гарпунного типа не свойственно для стандартного набора охотничьего оружия могильника. Его могли использовать как на охоте, так и при добыче крупной рыбы. Мужчина – самый старший из всех погребенных, в возрасте 50–60 лет, и это, возможно, объясняет его место в социальной сфере общества. Атрибуты захоронения старика указывают на иной его статус в обществе, связанный с подсобным родом занятий.

В связи с этим обращает на себя внимание мужское погребение, отличающееся по инвентарю от общей тенденции. Погребение №1 – не обычное для могильника. Оно стоит между предыдущим и остальными погребениями, сочетает характерные для тех и других вещи, но содержит весьма скудный набор украше-

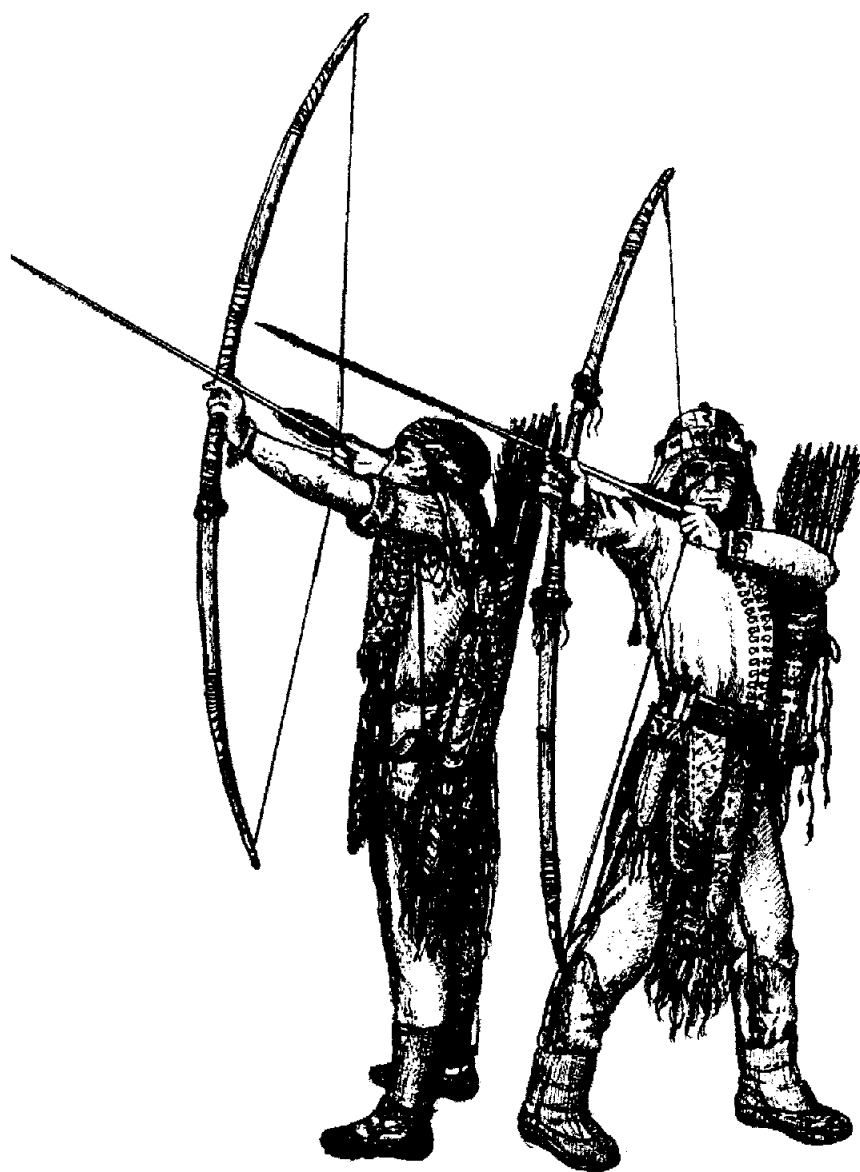

Рис. II. Реконструкция охотничьего снаряжения.
По материалам могильника Усть-Иша

ний. В отличие от остальных мужских погребений, в сохранившейся неразрушенной части и периферии украшения отсутствовали. Исключение составляет скопление нашивок из резцов крупного грызуна под правым локтем. Сам набор сопроводительных вещей неординарен для общего комплекса: топор, стерженьки рыболовных крючков и их заготовка, расположение каменного кинжала в правой стороне. Антропологические характеристики не дают объяснения этой разнице. Объяснить такой факт довольно сложно, опираясь на неполные данные, касающиеся социального статуса, состояния трудоспособности человека.

Вместе с этим необходимо отметить, что имущественно-социальная дифференциация среди мужчин практически отсутствует.

Культурная традиция населения нашла отражение в погребальном инвентаре. Это позволяет провести фрагментарные реконструкции частей погребального костюма и сопровождающих покойников вещей.

Богатый и разнообразный набор украшений в мужских погребениях свидетельствует о том, что одежда с ее атрибутикой и определенным комплексом орнаментации имела важное значение для обитателей Иши. Богатое украшение именно мужской одежды с Усть-Иши совпадает с представлениями сибирских народов о мужской душе «суп». Каждая из четырех областей одежды на теле (голова, грудь, пояс, ноги) соответствовала местам обитания душ и украшалась по-своему традиционно. Украшения выступали как обереги этих душ (Перевалова, 1992, с. 85–97).

Принцип расположения подвесок и нашивок в погребениях позволяет установить некоторые элементы одежды.

Рубашка либо куртка достигали верхней трети таза, не опускаясь до бедер. Украшения на одежде располагались несимметрично и преимущественно в левой стороне туловища, образуя скошенные ряды и цепочки, повторяющие линии швов, краев. Подвески из длинных зубов животных нашивались на спинку костюма. В связи с расположением нашивок можно предположить, что у одежды был запах на левую сторону, а верхняя пола орнаментирована. У кетов существовал обычай запаховать одежду на покойном на правую сторону, в то время как для одежды живых характерен запах на левую сторону, то есть наоборот (Семейная обрядность..., 1980), как в зеркальном отображении. «Наоборот» – это проявление потустороннего мира. Однако существование глухого запаха одежды несколько не согласовывается с логикой взаимозависимости деталей одежды. Большая концентрация нашивок в центральной части груди, особенно пояса, размещение орнаментальных полос (погр. №8,

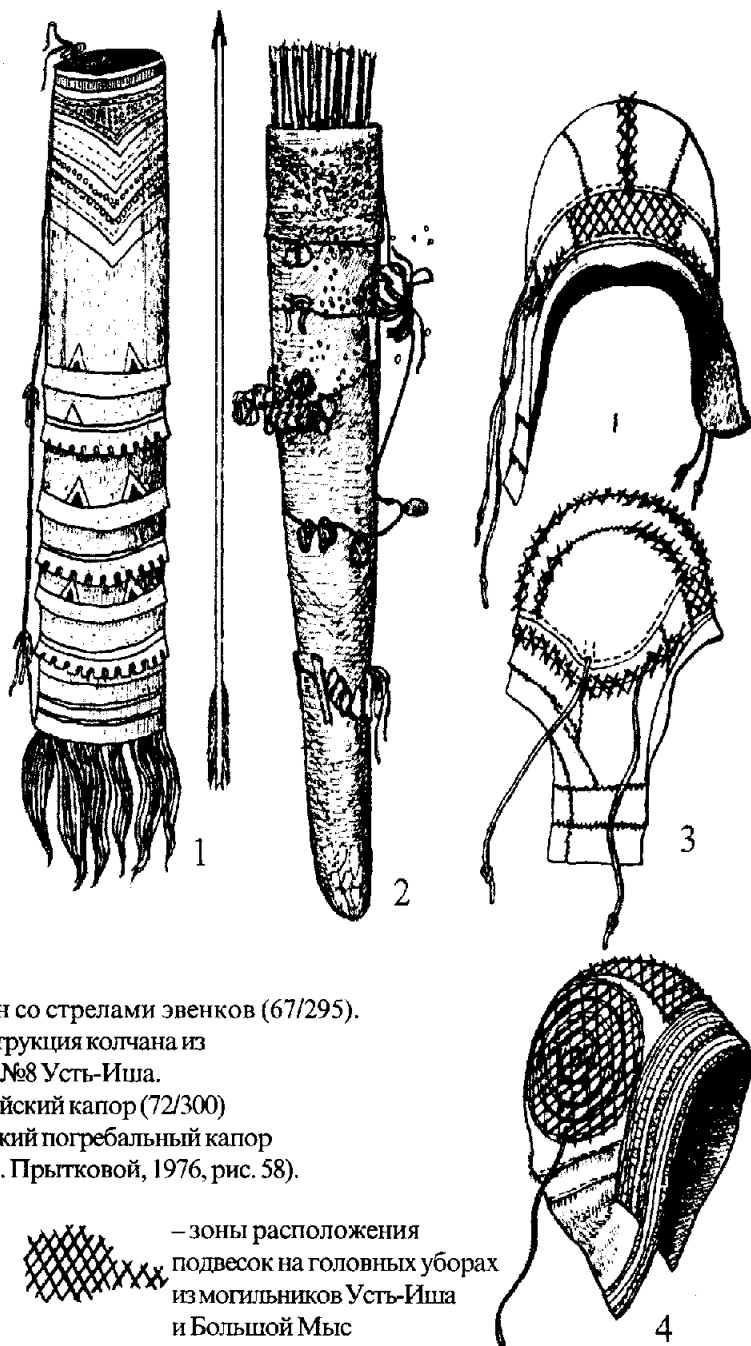

Рис. III. Реконструкции колчана и головных уборов

№12а), бисерная россыпь (погр. №8) либо расположение длинных резцов животных между бедренных костей (погр. №4, 9) позволяют предполагать наличие передника. Передник служил обязательным компонентом распашной одежды, например, «фрака» у эвенков. Передники у этнографических народов обычно служили как дополнение незакрытых деталей одежды. У эвенков он закрывал грудь. Набедренный передник, а также «натазник» использовались большинством народов мира как поясная самостоятельная одежда или дополнение не сшитых между собой ноговиц. Передники являлись традиционной частью костюмов кетов, эвенков, чукчей. Они шились из кожи, меха, оформлялись вставками, составной декорацией, каймой, меховой опушкой, ворсом, орнаментальными полосами, прошитыми бисером, дополнялись нашивками, подвесками. Орнаментальные полосы, отороченные каймы имели свой строгий ритм, гармонию (Богораз, 1991, с. 91, 96; Сельскому учителю, 1983). Нагрудники, передники, в отличие от иной одежды, украшались обильно и разнообразно аппликациями, шитьем, медальонами (Прыткова, 1976, с. 69). Эта деталь одежды имела особое значение в сакральном представлении о мужской душе и ее хранителях.

В погребениях сохранились украшения – нашивки головных уборов. Они фрагментированы. Наиболее полно представлены украшения головного убора из погребения №8. Судя по нашивкам, на человеке был довольно объемный головной убор. Расположение нижних нашивок фиксирует длину убора. Нижняя кромка его проходила ниже уровня ушей и закрывала лоб, доходя до бровей. Нашивки расположены также короткими рядами по 4–5 штук в каждом – вдоль головы. Передняя часть шапки густо орнаментирована нашивками из зубов мелкого парнокопытного (косули). Нашивки, как правило, следуют направлению швов. Судя по всему, мужской головной убор был выкроен из продольно расположенных полос кожи. Этот покрой близок эвенкийскому капору (Прыткова, 1976, с. 6) (рис. III).

Кожаные и деревянные основы изделий в столь древнем могильнике не сохранились, но взаиморасположение вещей и украшений указывает на использование чехлов для ношения оружия, которые закреплялись в поясе. Пояс является обязательным компонентом одежды. Согласно верованиям этнографических народов, в поясе находила приют душа человека, следовательно, пояс украшали персонификациями мифологических образов, семантикой и амулетами. К поясу прикреплялись чехлы с оружием, которое также выступало в единой хтонической концепции. Однако никаких косвенных свидетельств наличия такого пояса не было обнаружено ни в одной из могил, в то время как расположение оружия у всех

погребенных фиксировалось на одном уровне. В районе расположения кинжалов в погребениях находятся группы украшений: бисер, восьмерковидные и рыбковидные нашивки, подвески из длинных зубов животных. Так, в погребении №8 подвески составляли ряд из 5 штук, следовавший вдоль нижнего края кинжала. Компактно сгруппированное расположение кинжалов свидетельствует о том, что оружие было упаковано в сумочки – ножны. Сумочки для хранения и крепления оружия были распространены у всех охотников Сибири. Они шились из кожи, украшались составной декорацией из шкурок, каймой из ворса или опушки, дополнялись нашивками, аппликацией, подвесками (Богораз, 1991, с. 91, 96).

При анализе системы размещения украшений, групп нашивок и подвесок мы обратили внимание на их расположение рядом с погребенными в могилах №8, 12. Детали их концентрации имеют сходства с оформлением луков в погребениях Прибайкалья. В серовских погребениях присутствовали костяные накладки составных луков, при этом следы деревянных кибитей не сохранились. Однако наличие последних всегда надо учитывать, равно как и возможность бытования тех же сложных деревянных луков без костяных накладок. Косвенные признаки наличия таких луков в погребениях установить сложно. А.П. Окладников, исследуя найденные образцы, обратил внимание на украшение сочленений составляющих их частей связками подвесок из крупных зубов животных (лося, марала, сурка) и нашел аналогии этому факту в этнографических источниках (Окладников, 1950, с. 225). Также он отметил, что луки в одних случаях лежали вдоль левого бока погребенного, в других – были сломаны пополам и уложены на самого погребенного, в ногах. В одном погребении лук был положен справа от человека. Думается, что сторона положения лука может зависеть от того, какая рука – ведущая при стрельбе.

Аналогично прибайкальским, связки из зубов животных фиксируются в могиле №12а. Три связки располагались вдоль левого бока подростка. Связка у левого предплечья была круговой (рис. 20), диаметр ее охвата – 10–12 см – соответствовал длине охвата сложных луков (Медведев, 1966, с. 12). Другое скопление из одинаковых зубов отмечено ниже первой на 15 см, третье – на 10 см от второго. Судя по остаткам серовских луков, они были длинными, в рост человека – до 160 см. Эта длина луков характерна для пеших охотников (Медведев, 1966, с. 15). Без сомнения, луки обитателей Катуня были деревянными составными. Такие луки были распространены у сибирских народов. По этнографическим источникам, сложные луки состояли из двух планок, плотно склеивавшихся рыбьим костяным клеем. Для их изготовления использова-

лись плотные упругие породы деревьев (можжевельника, березы, сосны, черемухи). Чукчи делали луки из лиственницы и березы, а их рога – из отдельных кусков и сращивались с основной частью лука. Спинка для упругости покрывалась слоем сухожилий. А поверх лук спирально оборачивался полосками бересты. Такая система укрепления лука часто заменяла отсутствующие костяные накладки. Подобным способом изготавливали луки юкагиры, ламуты, якуты, эскимосы, народы, жившие в Восточной Европе в I тыс. до н.э. (Богораз, 1991, с. 91, 96; Медведев, 1966, с. 12).

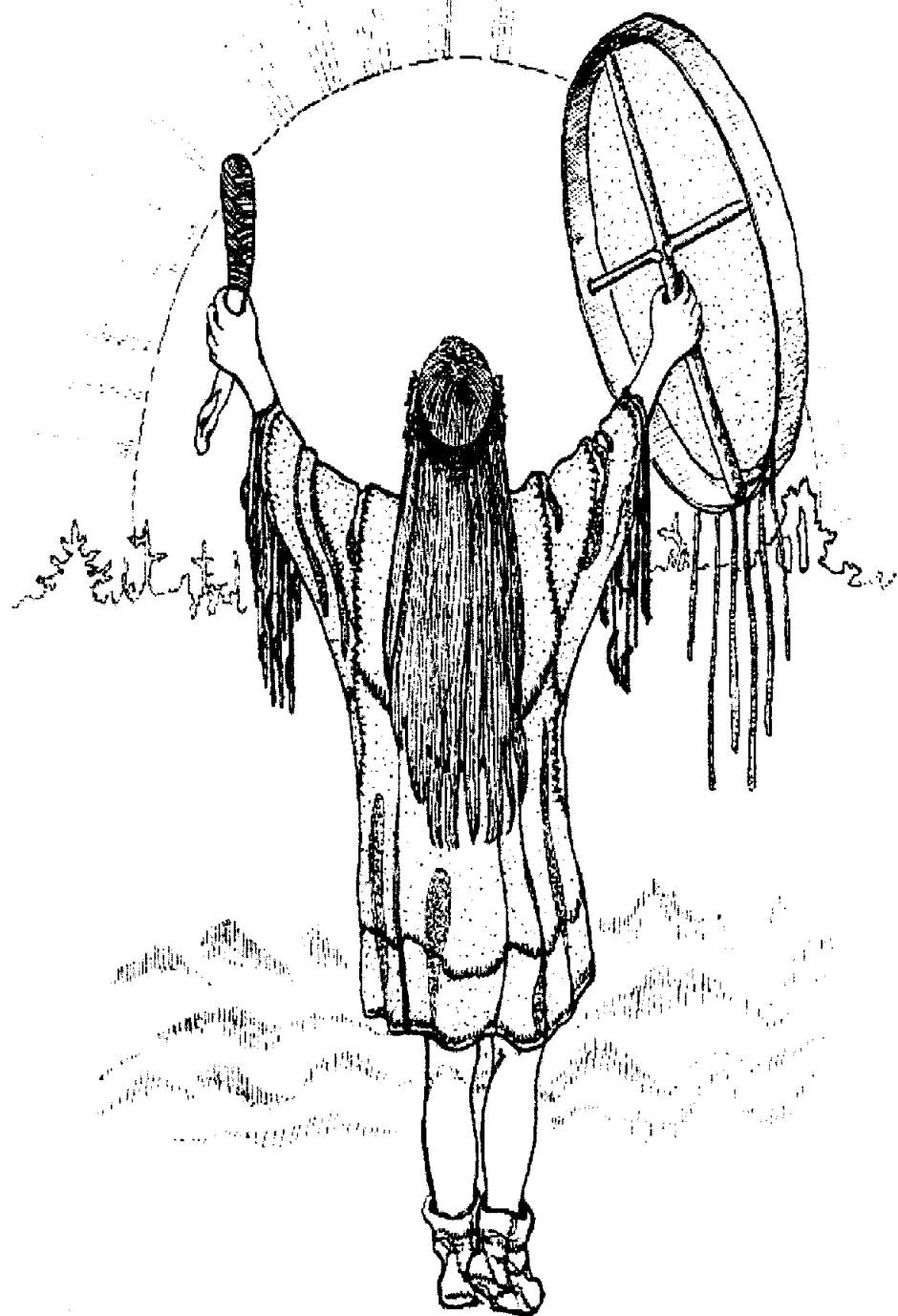
Для стрельбы из луков применялись стрелы, соответствующие их длине. А.Ф. Медведев, опираясь на фактические материалы, отмечает характерную длину стрел для крупных луков пеших охотников, равную 80–100 см (Медведев, 1966, с. 22, 49–50). При этом длина колчана для таких стрел, чтоб не мялось оперенье, могла достигать 65–75 см.

Принимая во внимание охотничий уклад населения, оставившего могильник Усть-Иша, следует учитывать возможность положения в могилы и колчана со стрелами. Так, например, в погребении №8 слева от погребенного на уровне верхней части его бедра найдено скопление наконечников стрел в количестве 16 штук. Все они лежали острием вниз и располагались очень компактной группой. При учете общей длины стрелы в 80–100 см для крупного лука нами были вымерены размеры колчана, длина которого для этих стрел достигала бы 70–75 см. Его параметры совпали с орнаментальными зонами, состоящими из разного рода украшений, в том числе – бисера, включая связки крупных подвесок, полые трубочки из костей птиц, скорее всего, служившие распределителями или петлями для шнуров. Трубочки-распределители располагались друг под другом по вертикальной линии на расстоянии 27 см. Известные по этнографическим материалам эвенков, чукчей, кетов, колчаны были сшиты из кожи и меха, богато апплицированы, украшены нашивками, бисером, подвесками. Для подвешивания и ношения в колчан продеты кожаные ремешки и шнуры.

Орнаментации охотничьих сумок и колчанов у народов – охотников придавалось особое значение. Этнографические примеры показывают, что самые богатые и тщательно подобранные орнаментация и отделка присутствовали именно на этих предметах. По орнаментике и шитью близок колчанам эвенкийский нагрудник. Только в украшении этих предметов, по материалам могильника, наиболее устойчиво использовались крупные резцы лося, марала, бобра. Головные уборы украшались нашивками из резцов косули. Отдельные амулеты, подвешенные на груди, были сделаны из зубов хищников: медведя, волка. Очевидно, этим живот-

ным придавалось особое место в фаунистическом пантеоне (бестиарии) и идеологических представлениях населения Иши.

При анализе погребального обряда могильника Усть-Иша необходимо отметить одну особенность. Многие каменные и костяные вещи, положенные в могилы, оказались сломанными в одном или нескольких местах, с обломанными кончиками, выломанными вкладышами и т.д. Также можно допустить, что у относительно целых орудий могли быть сломаны деревянные рукояти и древки стрел. Представляется, что это не случайное помещение в могилы пришедшего в негодность инвентаря, а сознательная порча. Как уже отмечалось выше В.П. Окладниковым, в Прибайкалье в ряде погребений зафиксированы сломанные пополам луки. Этот обычай фиксируется по этнографическим материалам коренных народов тасжной зоны Западной Сибири. Так, васюганско-ваховские ханты в могилу с умершим обычно клали поломанные вещи, вещи с обломанной какой-то частью или деталью. По их представлению душу вещи необходимо было привести в соответствие с душой умершего человека, то есть убить с тем, чтобы эта вещь могла служить своему хозяину в потустороннем мире. Видимо, аналогичные представления фиксируются по погребальному обряду могильника Усть-Иша. Скорее всего, это не относилось к вещам и одежде, изготовленным специально для погребения.

Глава II. МОГИЛЬНИКИ ОЗЕРА ИТКУЛЬ

МОГИЛЬНИК БОЛЬШОЙ МЫС

1. Общая характеристика

Могильник Большой Мыс находится напротив с. Вершинина, в 4,2 км к юго-западу от с. Плешкова Зонального района на оконечности мыса, распространяющегося от северо-восточного края побережья до середины оз. Большой Иткуль. Оконечность мыса, где находится могильник, доминирует над высотой окружающей местности, постепенно понижаясь к северо-востоку. Высота его достигает 8 м над урезом воды озера. В связи с этим В.И. Молодин высказал предположение, что окончание мыса в древности могло быть островом, что делало его чрезвычайно привлекательным для сооружения могильника (Молодин, 1999, с. 37). Эта точка зрения не противоречит результатам ранее проведенных исследований по палеогеографической позиции археологических памятников оз. Иткуль (Кирюшин, Малолетко, 1986), из которых следует, что современный высотный уровень поверхности Большого Мыса над урезом воды в озере значительно превышает высотный уровень времени позднего неолита – энеолита. Полученные данные показывают, что в эпоху раннего металла (3660 ± 75 л., СОАН – 2192) произошло понижение уровня воды озера – на 5–6 м по сравнению с уровнем эпохи позднего неолита – энеолита. Последующие эоловые накопления на берегах озера проходили довольно эффективно, в особенности в период аридизации климата, так, что слой бронзы в некоторых местах сейчас фиксируется на глубине 2,6 м. Из этого следует, что в период неолита – энеолита высота мыса относительно уреза воды в озере была невысокой, примерно 3–4 м, а низкая часть его скрывалась водой.

Учитывая интенсивность аккумуляции рыхлых отложений, также следует отметить, что во время функционирования могильника захоронения, скорее всего, производились на небольшой глубине от древней поверхности, возможно, близкой глубине захоронений на Усть-Ише.

Подобная система захоронений на острове – елбане известна по материалам исследований могильника эпохи неолита Крутиха-V (Молодин, 1977, с. 26; Памятники истории..., 1990, с. 73–75). Аналогичная ситуация расположения памятников позднего неолита – раннего энеолита (конец IV – нач. III тыс.

до н.э.) на высоких 6–10-метровых террасах отмечена А.И. Петровым в Среднем Прииртышье (Петров, 1983, с. 31).

Могильник был обнаружен в 1954 г. местным жителем А.Д. Самбурским (Кирюшин, Кадиков, 1980, с. 59) при рытье котлована погребя. По описанию А.Д. Самбурского, в его раскопе находилось четыре либо два скелета, лежавших параллельно друг другу головой на СВ. Однако в отвале его раскопа удалось обнаружить кости только двух человек. В.А. Дремов определил кости как женские в возрасте до 40 лет. При этом антрополог не исключал, что найденные кости могут принадлежать только одной женщине.

В 1962 г. Б.Х. Кадиков заложил раскоп и обнаружил еще 16 погребений этого могильника. Все погребения занимали в общей сложности площадь 20 x 16 (320 кв.) м. Погребения располагались тремя рядами, ориентированными ССЗ – ЮЮВ (рис. 27, 28). Сами погребенные ориентированы в одном порядке – головой на СВ, то есть в направлении к руслу р. Буланихи. Погребенные лежат вытянуто на спине. В порядке их размещения наблюдается сгруппированность по 2, по 4, по одному (рис. 29, 30). Так, погребения №1 и №2 находятся в центральном ряду, но образуют свою группу. Они расположены юго-западнее и ниже этого ряда, удалены друг от друга на 1 м. Погребения №10 и №11 образуют единую пару. Погребения №3, №12 совместны и попадают в единое могильное пятно. Совместны также погребения №4 и №13; №5 и №6; №7 и №8. Причем первые четыре – объединены. Погребения №14 и №15, №16 образуют восточный ряд. Они удалены друг от друга на 0,70–0,75 м, но расположение их отдельных костей несколько усложняет общую картину. Погребение №9 размещено на западной периферии. Оно обособленно, хотя составляет юго-западный ряд могильника вместе с погребенными, обнаруженными А.Д. Самбурским. Стратиграфическая ситуация залегания погребений довольно устойчива на всем могильнике: 0,05–0,07 м – дерн; 0,25–0,30 м – гумусовый суглинок, 0,60–0,70 м – суглинок, ниже 1 м – светлый песок. Захоронения были произведены в песке на глубине около 1 м: №1, №13 – 1,15 м, №7–9 – 0,75 м; №10, 14–15 – 1 м. Выбросы песка и суглинка из могильных ям фиксируются в основании гумусного горизонта.

В гумусовом горизонте мыса залегали находки различных периодов и культур (развитой бронзы, раннего железа, большемысской культуры), фиксировались заполнения хозяйственных объектов. В районе могильника встречены каменные изделия, фрагменты керамики. В заполнении погребения №3 найден ма-

ленький фрагмент венчика сосуда, орнаментированный оттисками мелкозубчатого штампа (рис. 48–1, 2), а между погребениями, на уровне их древней поверхности, – развал сосуда, украшенного в ирбинских традициях оттисками короткого зубчатого штампа (Молодин, 1977, Абдулганеев, 1987). При этом следует отметить, что других находок, синхронных керамике, в районе погребений зафиксировано не было.

В.А. Дремов провел определения пола и возраста 17 погребенных, среди которых: 8 женских, 8 мужских, 1 – детское захоронение (табл.).

Погребение №1 является крайним юго-восточным в нижнем среднем ряду. Оно принадлежало мужчине 50–60 лет. Умерший лежал вытянуто на спине, головой на СВ. Руки слегка согнуты в локтях, кисти положены на кости таза (рис. 29, 33–1). Голова немного наклонена вправо. С внешней стороны правой плечевой кости находились костяной вкладышевый нож, каменный вогнутый нож. С внутренней стороны на сгибе у локтевого сустава находился точильный брусок (?). Украшения из зубов животных (бобра – сурка?) концентрировались под фалангами пальцев обеих рук на головках бедренных костей, частично – под тазом: справа – в количестве 18 штук, слева – 38 штук. В районе правой локтевой кости находились 4 зуба, в том числе медведя. На лбу и на височной кости размещались 3 подвески из зубов животных, в том числе лисы, с просверленными корнями. В погребении найдена нижняя челюсть сурка (бобра?). Длина скелета – 1,60 м.

Погребение №2 находилось в одном ряду с погребением №1, в 1–0,60 м от него. Могильное пятно имело неправильные овальные очертания. Скелет мужчины 30–35 лет лежал вытянуто на спине, головой на СВ (рис. 30). Его левая рука вытянута вдоль туловища. Правая рука согнута в локте. Ее локтевые кости лежат на тазе, а кисти обеих рук покоятся вместе. Череп склонен влево. Кости стоп отсутствуют. Под нижней челюстью погребенного глубже на 5–6 см обнаружен отщеп красно-бурого сланца. Под верхней частью правой плечевой кости находился каменный топорик (рис. 33–1, 45–1). На внутренней стороне у левого сгиба – шлифовальный прямоугольный брусок. Украшения в основном сосредоточены в шейной зоне и в районе правой тазовой кости. По линии плеча, под нижней челюстью располагались подвески из крупных зубов марала. Два крупных зуба медведя и лисы находились на ребрах в левой половине груди. Подвески из мелких зубов куньих и парнокопытных (косуля) размещались у головки правой бедренной кости (3 шт.), под правым крылом таза,

на локтевых костях правой руки и под крестцом. Длина погребенного – 1,65 м.

Погребение №3 находится в среднем ряду могильника парно с погребением №2. Мужчина 25–30 лет лежал вытянуто на спине, головой на СВ. Руки его вытянуты вдоль тела, чуть согнуты в локтях, их запястья лежат на тазовых костях (рис. 31). От кистей и стоп сохранились лишь по несколько фаланг, которые лежали в беспорядке. Правая локтевая кость согнута. Ключицы и ребра, грудина смещены, нижняя челюсть распахнута. В погребении, между плечевой костью и лопаткой, находился небольшой кварцитовый отщеп. В области грудины обнаружены резцы грызуна (бобра) – целый и обломок, зуб барсука. Общая длина скелета – 1,65 м.

Погребение №4 находилось в 0,50 м от погребения №3, парно с погребением №13. Женщина 45–55 лет захоронена в вытянутом положении на спине головой на СВ. Череп повернут на правую сторону лицом к погребению №13 (рис. 32). Правая рука чуть согнута в локте, ее кисть покоилась на тазовой кости. Плечевая кость левой руки вместе с ключицей смещены вниз. Остатки сильно истлевшей локтевой кости располагались между бедер. Плечевая кость была уложена скошенно на бедро в соответствии с положением правой руки. Фаланги стоп находились в беспорядке. Под черепом с правой стороны у его основания обнаружен наконечник стрелы с коротким черешком (рис. 46–6). Не исключено, что женщина им была ранена. Под кистью правой руки между фалангами размещалось скопление из 13 резцов бобра, аналогично тому скопление резцов из 10 штук фиксировалось под оконечностью левой плечевой кости на тазе (рис. 33–2; 46–16). У левой ноги найден зуб кулана (?). Длина скелета – 1,65 м.

Погребение №5 находилось рядом с погребением №13 и ниже линии пояса погребенного там. В могиле обнаружены плохо сохранившиеся кости ног и черепа женщины 18–20 лет, размещенные в анатомическом порядке. Их положение указывает, что погребение произведено в вытянутом положении на спине, головой на ВСВ (рис. 34). Судя по фрагментам черепа и зубам, голова погребенной была повернута вправо, в сторону погребения №6. В районе груди находились две подвески из зубов животного. Длина погребения – 1,55 м. В районе погребения найдены зубы барсука, сурка, соболя.

Погребение №6 располагалось парно с погребением №5. Скелет принадлежал женщине 25–30 лет. Остатки черепа, левая бедренная кость с левой половиной таза и коленным суставом, пра-

вая плечевая кость так же, как и в предыдущем случае, сохранились плохо (рис. 34). Возле пояса слева сконцентрированы нашивки из резцов грызуна, марала, медведя. Погребение ориентировано так же, как и предыдущее, головой на ВСВ.

Погребение №7 состояло из длинных костей плохой сохранности. Они принадлежали женщине 30–40 лет. Вещей не обнаружено. Кости ориентированы центральной осью на ЗЮЗ – ВСВ. В районе погребения зафиксированы зубы барсука, лисы, марала (рис. 44–1).

Погребение №8 – парное захоронению №7, находилось на расстоянии 0,25 м от костей предыдущего на глубине 0,85 м. Скелет женщины 25–35 лет лежал в анатомическом порядке вытянуто на спине головой на восток, руки располагались вдоль туловища погребенной. Правая рука чуть согнута в локте. Череп раздавлен и смещен в сторону левого плеча (рис. 35). Нижняя челюсть находилась в анатомическом положении. Мелкие и тонкие кости – ребра, суставы, фаланги и т.д. – в скелете отсутствовали. В 0,50 м от правого колена обнаружен каменный стержень рыболовного крючка (рис. 46–14). В районе шеи и слева от позвонка на груди лежали резцы бобра или сурка (13 шт.), подвеска из зуба марала, зуб косули, 2 гипсовые розы (рис. 46–17).

В 1,20 и 1,180 м юго-восточнее от черепа на уровне погребения №8 и ниже этого уровня были найдены обломки нижней челюсти и черепа из погребения №7. Длина погребенного – 1,55 м.

Погребение №9 принадлежало мужчине 40–50 лет. Оно относится к нижнему ряду могильника и отделено от среднего ряда (погребения №3) на 3,3 м. Кости скелета сохранились плохо: правая половина ребер, обломки левой плечевой кости и правой локтевой кости, части тазовых костей и фрагменты костей ног. От черепа сохранилась затылочная, лобная и теменная части, нижняя челюсть. Судя по расположению костей, погребенный лежал вытянуто на спине головой на СВ (рис. 36). Правая рука чуть согнута в локте, запястьем положена на таз. У основания шеи обнаружен отщеп. На лобной и затылочной части черепа, а также в районе шеи у нижней челюсти располагались нашивки из мелких резцов бобра (сурка?) (13 шт.), подвеска из зуба марала.

Погребение №10. Неполный скелет ребенка 1,5–2 лет лежал вытянуто на спине, головой на ВСВ. Это захоронение является самым крайним юго – юго-восточным в среднем ряду, находится рядом с погребением №11. В погребении сохранились: череп – затылок, темя, лобная часть, нижняя челюсть; неполные бедрен-

ные кости, немного смещенные кости рук, ребер, часть позвоночника (рис. 37). В области ног и таза зафиксированы линзы из мелких угольков. С внутренней стороны правой бедренной кости находился резец грызуна (бобра – сурка?), с внешней – мелкий зуб косули (?). Под подбородком, в области шеи, был зуб медведя. Над черепом наблюдалось некоторое смещение вещей. Там находилось несколько подвесок из зубов марала, колонка (?), барсука, кулана, а справа от черепа – нашивка из клыка кабана (рис. 47–1, 3).

Погребение №11 располагалось в среднем ряду могильника. На глубине 1,30 м захоронен мужчина 50–60 лет. Кости скелета – в хорошем состоянии. Умерший погребен вытянуто на спине, головой на СВ. Кость левой руки лежала рядом с бедром, левая – на тазовой кости, грудина скошена, фаланги стоп – немного смещены (рис. 38, 40–1). На левой височной кости зафиксировано скопление мелких резцов животного (косули?), зубы соболя, два экземпляра, попадались по линии плеч и шеи. Длина скелета – 1,75 м.

Погребение №12 находилось в среднем ряду парно с погребением №3. Северо-восточная часть этого погребения имела прямоугольную форму. Судя по заполнениям могил, погребение №3 было подхоронено. Скелет погребения №12 находился в анатомическом порядке и принадлежал мужчине 60–70 лет. Он похоронен на спине вытянуто, головой на СВ. Кости ребер слева были немного смещены, фаланги рук и ног находились в беспорядке. Руки – чуть согнуты в локтях, направлены запястьями к сочленениям бедер и таза (рис. 39, 40–2). С внешней стороны правой тазовой кости лежали кусочки красного камня.

Погребение №13 находилось в среднем ряду парно с погребением №4 на глубине 1,45 м. Мужчина до 40 лет захоронен в вытянутом положении на спине головой на СВ. Скелет хорошей сохранности. Смещены были только фаланги стоп и правой руки, ключицы (рис. 41, 42). Череп отсутствовал. Положение рук – вытянуто вдоль тела, кисти положены на сочленении тазо-бедренных костей. На костях ребер и правой половины таза находились 6 наконечников стрел (рис. 48). Они лежали без определенной закономерности. Туловище мужчины, от шейного участка до бедренных костей, украшали подвески из зубов барсука и бобра, встречены зубы медведя и лисы. Основная концентрация резцов бобра отмечена на тазовых костях – у крестца. По 2–3 резца располагалось у локтевых суставов обеих рук (рис. 41). В районе груди зубы барсука прослеживались по центру вдоль позвоночника.

ка. Три зуба зафиксированы в шейной области. Длина сохранившейся части скелета – 1,55 м.

Погребения №14, 15, 16 представляли собой восточную группу могильника. Они объединялись аморфным пятном могильного заполнения. Погребенные были захоронены на глубине 0,92–0,97 м.

В погребении №14 находилась женщина 25–30 лет, в вытянутом на спине положении, головой на СВ (рис. 43). Лобная и лицевая кости черепа разрушены, кости правой руки, локтевые кости левой руки и кости стоп – отсутствовали. В 1,75 м севернее черепа на глубине 1,03 м обнаружена правая рука в сочленении с лопаткой в анатомическом порядке. Многие кости женщины частично истлели. На груди, слева у позвоночника, располагались две мелкие нашивки из резцов грызуна (бобра?). Справа у черепа, по линии ворота, под челюстями, а также в области надбровий находились подвески из различных зубов животных (марала, соболя, косули, лисы), у правого виска лежали две пластины из клыков кабана (рис. 47–2). Между берцовыми костями и с внешней стороны от левой берцовой кости находилось 17 обломанных подвесок из зубов марала. Здесь встречены также зубы кулана, бобра.

Погребение №15. Кости мужчины лежали в беспорядке в ногах погребения №14: бедренные и берцовые кости, таз, крестец, фаланги, ребра. Одна бедренная кость пересекала грудную и поясничную область скелета женщины из погребения №14. Определить первоначальное могильное ложе этого погребения не удалось (рис. 43).

Погребение №16. На глубине 0,92 м в анатомическом положении лежали обломки нижних конечностей женщины. Они ориентированы параллельно костям погребения №14. Кости стоп находились в беспорядке (рис. 44–2).

В мае 1976 г. небольшим отрядом Института истории, филологии и философии СО АН СССР во главе с В.И. Молодиным были проведены разведочные работы на Большом Мысе. В 2 м к западу от раскопа Б.Х. Кадикова была заложена траншея длиной 30 м и шириной 0,5 м. Траншея была ориентирована с севера на юг с небольшим отклонением по линии северо-восток – юго-запад. В северной части траншеи на глубине 1 м были обнаружены массивный каменный наконечник копья (или кинжал) и крупная ножевидная пластина. Траншея в этом месте была расширена до площади 3х1 м, но следов погребения найдено не было. В центральной части траншеи, в непосредственной близости от

раскопа Б.Х. Кадикова на глубине 1 м было обнаружено парное захоронение без каких-либо следов могильной ямы. Площадь раскопа в этой части составила 3,5х2,5 м (Молодин, 1999, с. 37).

Авторами настоящей работы этому погребению дан порядковый №17. Описание и план (рис. 50) даются по публикации В.И. Молодина (1999, с. 36–56).

Погребение №17. На глубине 1 м захоронены два человека. Скелеты лежали на спине в вытянутом положении, головой на СВ, руки вытянуты вдоль туловища. Верхняя часть обоих костяков потревожена барсучьей норой. Черепа обоих похороненных были обнаружены в норе, в разных местах. Северный костяк «А» (название дано В.И. Молодиным), по определению антропологов В.П. Алексеева и Н.Н. Мамоновой (устное сообщение), принадлежал юноше 18 лет (Молодин, 1999, с. 39), по определению В.А. Дремова – женщине возмужалого возраста (Дремов, 1997, с. 199–200). Второй костяк «Б» принадлежал женщине 25 лет. Рядом с правой рукой умершей лежал массивный костяной игольник из трубчатой кости животного (рис. 50–1). На костяке «А» в области груди и шеи и на обоих костяках в области пояса, ниже тазовых костей и кистей рук, в районе запястий зафиксировано большое количество украшений, которые, видимо, были нашиты на одежду (Молодин, 1999, с. 40). Среди них находились костяные подвески с отверстиями для подвешивания (рис. 50–3–4), подвески в виде стилизованных рыбок, каплевидной («лепестковой») формы, резцы сурка, пронизки из трубчатых костей, перламутровые нашивки, изготовленные из раковин. В.И. Молодин дает реконструкцию костюмов умерших и предлагает возможный вариант ornamentации ими одежды. При этом он отмечает идентичность костюмов обоих умерших (Молодин, 1999, с. 40–43). Исследователь в вопросе о половой принадлежности костяка «А» придерживается точки зрения В.П. Алексеева и Н.Н. Мамоновой. Однако не лишено справедливости и мнение В.А. Дремова, которое косвенно подтверждается идентичностью костюмов умерших.

2. Погребальный инвентарь

Погребальный инвентарь могильника относительно скуден. Пожалуй, подавляющая часть всех найденных на могильнике предметов происходит из мужских захоронений №1, 2, 13. Украшения и амулеты на погребенных также немногочисленны, но весьма выразительны, их распределение в мужских и женских захоронениях равномерно.

Шлифованные ножи (2 шт.) обнаружены в погребении №1 (рис. 45–5, 6). Один – из черного кварцита, шлифованный с двух сторон, с прямым лезвием и округлым концом, линзовидным сечением. На его лезвии видны мелкие выщербины, получившиеся от использования в качестве строгального ножа по дереву. Другой экземпляр – двусторонне шлифованный с вогнутым лезвием и ретушированными по двум сторонам краями обушка.

Топорики (2 шт.) из погребения №2 (рис. 45–1, 3) имеют узкое удлинненное тело, приостренные сколами и двусторонней ретушью боковые грани. Один топорик оформлен встречными двусторонними параллельными снятиями и дополнительными параллельными сколами, веерообразными фасетками крупной ретуши. Поверхность рабочего участка пришлифована с двух сторон, причем наиболее тщательно и многократно – вдоль рабочего края. На рабочем лезвии и поверхности утилитарные следы отсутствуют. Второй, более мелкий топорик оформлен по бокам с двух сторон круглыми фасетками сколов и ретуши. Поверхность топорика пришлифована. На одном боковом крае выделяется участок шлифованной узкой грани. Топорик сильно сработан и дополнительно оббит, ретуширован вдоль рабочего края. На шлифованной поверхности видны царапины от интенсивного использования.

Шлифовально-точильные камни (2 шт.). Одно изделие найдено в могиле №1 (рис. 45–2, 4). Он представляет собой камень треугольной формы из песчаникового сырья, имеет грани от заточки и шлифовки. На поверхности камня выделяются царапины и борозды от интенсивной заточки острых граней предметов. Другой камень – с односторонней выпуклой зашлифованной поверхностью. Инструменты предназначались для заточки рабочей части орудий. Однако будет неверным считать, что эти орудия обязательно должны быть металлическими. В погребальном комплексе встречены каменные изделия (нож, топорики) с дополнительной заточкой лезвий.

Вкладышевые ножи. Костяная основа ножа из могилы №1 обломана и расколота, имеет два паза для вкладышей. В ней и рядом с орудием сохранились два вкладыша (рис. 46–10, 11). Один целый вкладыш – прямоугольный, размерами 1,8 x 0,5 см, ретуширован встречной ретушью с двух сторон. Также имеется узкий костяной осколок вкладышевого орудия с двумя фрагментированными пластинами в пазу. Пластины тщательно подогнаны друг к другу, без дополнительного оформления. Вкладыш – пластина из могилы №2 – имеет дорсальную ретушь средних размеров на одном крае.

Каменные стерженьки рыболовных крючков. Один фрагментированный экземпляр обнаружен в могиле №8. От стерженька сохранился крепежный конец. Стерженек полностью шлифован (рис. 46–14).

Наконечники стрел листовидной формы различных размеров – от 3 см до 5,3 см. Они ретушированы с двух сторон, выполнены из сливного песчаника красно-коричневых, светло-коричневых расцветок. Один лишь наконечник из погребения №4 отличается от этой серии. Он – ромбовидный, с выделенной треугольником черешковой частью, изготовлен из кварцита с черными прожилками (рис. 46–1–7).

Отщепы встречены в погребениях №3, 9. Они имеют краевую ретушь, использовались в основном в качестве скобелей, скребка.

Украшения. Во всех погребениях могильника, за исключением четырех неполных, находились подвески и нашивки из резцов животных: мелких и крупных копытных, крупных грызунов, мелких и крупных хищников (рис. 46, 47). В детском и женском погребениях (№14, №10) располагались нашивки из клыков кабана. В большинстве захоронений подвески малочисленны, без определенной системы размещения. Все же нами отмечены наиболее характерные и особенные детали:

- подвески и нашивки, как правило, располагались в воротниково-шейной зоне, а также – в районе головы как украшение головных уборов, причесок;

- оформление одежды на кистях рук нашивками из резцов мелких парнокопытных и грызунов (бобра). Нашивки располагались плотными скоплениями, не содержали отверстий для прикрепления на одежду.

Большой интерес представляют нашивки из клыков кабана. В детском и женском погребениях эти нашивки располагались справа от головы (по одной в каждом) и различались размерами: у женщины нашивка была шириной в 2 см, у ребенка – 1,3 см. Нашивки имеют по одному сверленому отверстию на узком конце, по 2 отверстия – на широком.

Рассматривая вещественный комплекс могильника Большой Мыс как атрибут погребального обряда, следует отметить следующие особенности: отсутствие крупных каменных орудий, в том числе бифасов, костяных вещей, исключительная редкость вкладышевых орудий. Обращает на себя внимание наличие вогнутых шлифованных ножей и точильных плиток или брусков. Вогнутые шлифованные ножи распространены в культурах лесных и лесостепных районов Сибири от Среднего Зауралья до

Прибайкалья (Кунгурова, 1993), в том числе Верхнего и Среднего Приобья (Кирюшин, 1986, с. 15). Изделия из могил выполнены в единой традиции. Для техники изготовления орудий характерно использование подшлифовки, оббивки с элементами ретуши, использование монолитов и отщепов в качестве заготовок. При этом в целом инвентарь в силу своей малочисленности отражает лишь разнообразие морфотипов.

3. Погребальный обряд могильника

В системе захоронений и устройстве могил, пожалуй, следует выделить следующие характерные признаки:

1. Устройство могил параллельными рядами, ориентированными с ССЗ на ЮЮВ.

2. Традиционная ориентация погребенных – головой на северо-восток. Положение – вытянутое на спине. При этом, на наш взгляд, важной деталью погребального обряда является укладывание кистей рук на таз.

Исключение составляет лишь погребение №17.

3. Отсутствие определенной закономерности в сочетании могил по половой принадлежности. Здесь встречаются обособленные мужские захоронения, совместное захоронение двух мужчин с большой возрастной разницей. В трех случаях отмечены парные женские захоронения. Единственный на могильнике ребенок погребен на достаточном расстоянии от погребения мужчины. Центральным в могильнике является захоронение женщины и мужчины одного возраста и с ними – двух молодых женщин на уровне ниже линии пояса предыдущей пары.

4. Существование обычая вторичного захоронения, в основном, среди женщин и лишь в одном случае – по отношению к мужчинам.

5. Применение обряда частичной кремации при захоронении детей.

6. Дифференциация людей по социальному статусу.

7. Бедность сопроводительного бытового инвентаря в могильнике. Охотничье-боевое оружие не распространено. Лишь в одном захоронении (№13) находились наконечники стрел, лежащие в беспорядке. В мужских захоронениях в основном встречаются отщепы.

8. Отсутствие в погребениях посуды.

9. Резкий контраст между возрастным уровнем смертности мужчин и женщин. Среди мужчин преобладают захоронения в

возрасте от 40 и старше и даже до 60–70 лет, среди женщин – в возрасте 25–30 лет и даже до 18–20 лет.

Система захоронений в могильнике показывает, что у населения оз. Иткуль для мужчин и женщин погребальный обряд не был единым. Это связано с культово-мифологическими представлениями населения о душах мужчин и женщин, что, скорее всего, является следствием генетического различия брачных групп населения при патрилокальном характере брачных отношений.

Тела умерших женщин первоначально помещали не на общем кладбище, а где-то в другом месте, допустим, на деревьях, на деревянных помостах, во временных сооружениях. Аналогии обрядов перезахоронений известны в этнографии народов Сибири (Семейная обрядность..., 1980, с. 165). Спустя определенное время основные кости скелета захоранивали на общем кладбище. В двух случаях (№6, 7) были захоронены только ноги, выложенные в анатомическом порядке. Аналогичный принцип захоронения ног отмечен в среднеиртышском неолитическом могильнике Протока (Полосьмак Н.В., Чикишева Т.А. Балужева Т.С., 1989, с. 27). Рядом с парой №4 и №13 выложены в анатомическом порядке из длинных костей и черепов остовы двух девушек. Группа этих захоронений указывает лишь на своеобразие социальных отношений, которые установить пока довольно сложно.

Из всех погребенных на могильнике Большой Мыс (7 мужчин, 6 женщин, 1 ребенок) в возрасте 50–60 лет – 3 человека, от 40 до 50 лет – 1 человек, от 30 до 40 лет – 4, от 25 до 30 лет – 4, от 18 до 20 лет – 1 человек (табл.). Обращает на себя внимание разница в уровне смертности мужчин и женщин могильника при высокой продолжительности жизни мужчин. Этот факт и хорошая сохранность костей скелетов, зубов мужчин позволяют говорить о благоприятном биогенетическом фоне населения, во всяком случае, в отношении мужской линии родства. Однако имеющихся по могильнику фактов недостаточно, чтобы определить продолжительность жизни женской группы населения оз. Иткуль. Могильник нам дает только ранний уровень риска смертности для женщин. Он совпадает с первой половиной детородного периода. Количественные показатели представительниц этого периода для могильника довольно велики, поэтому не следует исключать и факты насильственной смерти в силу специфики социальных отношений. Ссылаясь на результаты наблюдений Т.А. Чикишевой по ирменскому кладбищу Журавлево-4 (Бобров, Чикишева, Михайлов, 1993, с. 100–122), демографическая ситуация населения

оз. Иткуль представляется вполне адекватной (уравновешенной), обусловленной благоприятными природно-социальными факторами. Однако мы основываемся на изучении единственной серии захоронений данного населения, результат которого может выступать в качестве предварительного анонса.

Характер одежды погребенных Большого Мыса восстановить довольно сложно в связи со слабой распространенностью нашивок и невыраженной систематизацией. Однако набор видов животных, чьи зубы использовались в качестве нашивок и подвесок, достаточно широк и традиционен для всего комплекса могил. Надо отметить, что зубы отдельных видов животных располагаются у погребенных на определенных участках тела. Зубы нехищников (косуля, марал), а также пушных мелких хищников (колонок, лиса, барсук, соболь) украшали голову. Зубы последних (лиса, барсук, соболь) чаще всего наблюдались в районе шеи и груди, их дополняли марал, косуля, редкие амулеты из зубов крупных хищников. Зубы крупных хищников (медведь) были на поясе и груди, их дополняли лиса, марал, бобр. На бедрах, на кистях рук в основном концентрировались нашивки из клыков бобра, сурка. Во всем многообразии и хаотичности расположения нашивок и подвесок на погребенных улавливается определенный смысл. Это, прежде всего, некая взаимосвязь зубов и утилитарно-эстетических свойств шкур. Не исключено, что зубы определенных видов животных нашивалась на изделия либо фрагменты изделий из шкур тех же видов животных. Это подтверждает система расположения зубов на определенных участках тела. Исходя из этого, головные уборы и ворот в большинстве случаев должны быть изготовлены либо оформлены с участием шкурок пушных зверей и тонкой эластичной кожи косули и, возможно, бобра. При этом заметим, что зубы в районе черепа встречены только в 5 погребениях из 16, а в районе шеи и верхней половины груди – во всех погребениях, за исключением 5. В ходе рассмотрения системы размещения украшений в погребениях нами был отмечен особый смысл оформления деталей одежды на кистях рук нашивками из резцов грызуна (бобра) и реже – мелких парнокопытных в ряде погребений могильника. Скорее всего, этот факт подчеркивает определенное значение данных людей в обществе, например, мужчины из погребения №1 и женщины из погребения №4. Женщина из могилы №4 – самая старшая из всех погребенных женщин. В ее погребении отмечена такая существенная деталь: отсутствующая локтевая часть руки была заменена плечевой частью руки, отчлененной от тела вместе с ло-

паткой. Ее дистальный конец, положенный на таз, так же как и кисть второй руки, был, по-видимому, одет в перчатку-рукавицу с нашивками из резцов грызуна (бобра). Такая деталь одежды известна в шаманской атрибутике народов Сибири. Этот факт зафиксирован и в погребении шамана из Нижнетыткескенской пещеры-1, где перчатку-рукавицу сопровождают клыки медведя (Кирюшин, Кунгуров, Степанова, 1995). У напарника женщины (мог. №13) одежда богато обшита подвесками и нашивками из резцов грызуна (бобра), пушных и хищников. Особенно большое их скопление отмечалось на костях таза, в районе кистей. Погребальный обряд и атрибутика дают основание полагать, что данная пара в общем комплексе могил является центральной, эти люди занимали особое положение в обществе, а украшения выполняли определенное сакральное предназначение.

МОГИЛЬНИК КОСТЕНКОВА ИЗБУШКА

Могильник находится в восточной части оз. Большой Иткуль на южном берегу залива Дергач (рис. I). Могильник обнаружен при раскопках одноименного поселения на останце, возвышающемся над остальной частью берега на 1,6 м, с южной и восточной сторон омываемом протокой, соединяющей озера Большой и Малый Иткуль. В ходе раскопок 1980 г. было вскрыто три погребения, относящихся к эпохе бронзы, и в 1981 г. – еще три. Из этих трех погребений два отнесены к эпохе энеолита (Кирюшин, 1986, с. 14), правда, одно из них (могила №4) – с определенной долей вероятности.

Могила №4 обнаружена в культурном слое поселения на глубине 0,5 м от дневной поверхности, поэтому контуры могильного пятна не прослеживались. В могиле находились только длинные кости скелета, череп отсутствовал. Частично сохранились длинные кости рук, ключицы и обломки других костей. Судя по костям, умерший был уложен вытянуто на спине с вытянутыми вдоль туловища руками, головой на СВ. Вещей в могиле не было.

Могила №5 находилась в культурном слое поселения на глубине 0,5 м, поэтому контуры могильного пятна не прослеживались. В могиле неполный скелет мужчины 40 лет, захороненного на спине, головой на ЮЗ. Костяк находился в несколько неестественной позе. Его левая нога лежала вытянуто в направлении восток – запад, правая полусогнута в колене. От таза направление положения скелета определялось как на ЮЗ. Правая рука отсутствовала

вместе с костями правой половины туловища. Левая рука полусогнута в локте, ее запястье лежало на костях таза. В районе основания черепа и черепно-челюстной полости находился биконический костяной наконечник стрелы (рис. 49–6). В могиле были обнаружены фрагменты стенки сосуда (рис. 48–3). У колена правой ноги лежала верхняя челюсть бобра, вторая верхняя челюсть бобра лежала слева от черепа в районе подбородка.

Умерший был поражен стрелой с костяным наконечником, с которым его и похоронили. Выстрел был произведен с близкого расстояния сверху вниз. Стрела прошла через рот, обломив два верхних правых резца и выбив три нижних. Удар был нанесен с такой силой, что с внутренней стороны раскрошилась челюсть, где находились гнезда зубов. Стрела, видимо, пробила гортань, задела шейные позвонки и ушла влево. На шейных позвонках имеются следы от ее удара. В данном случае отличить посмертный ритуал от умерщвления с его возможными нюансами довольно сложно.

Тип наконечника близок игловидным наконечникам шигирских памятников. Он круглый в сечении, более широк в области острия. Круг аналогов включает наконечник из погребения №6 могильника Протока (Полосьмак, Чикишева, Балуева, 1989, с. 24).

Погребения Костенковой Избушки одиночны и сложны в плане культурно-хронологической интерпретации. Они были частично потревожены деятельностью более поздних поселений и в своем заполнении содержали предметы поселенческого комплекса эпох бронзы, раннего железного века. Однако специфика определенного набора признаков позволила отнести погребения к времени захоронений Большого Мыса. Антропологические определения, сделанные В.А. Дремовым, подтвердили общие особенности черепов и в целом антропологического типа представителей этих могильников (Дремов, 1997, с. 29). В захоронениях на Костенковой Избушке не выражены черты обрядности, характерные для могильника Большой Мыс, и в этом плане не вносят дополнения ко всему сказанному. Тем не менее детали погребения №5 представляют отдельные факты социального порядка.

4. Особенности погребального обряда могильников Усть-Иша и Большой Мыс

По сопоставлению особенностей и характерных черт могильники Усть-Иша и Большой Мыс имеют сходства и различия. Они сходны по принципу трупоположения и ориентации на северо-во-

сток, размещения могил рядами, ориентированными с ССЗ на ЮЮВ, вторичному захоронению женщин и частичной кремации детей. Могильники различаются между собой деталями, существенными для культурно-хронологической интерпретации. Различия выражаются в особом значении кистей рук в обрядовой практике, украшении деталей одежды, погребальном инвентаре и его элементах. Погребальный инвентарь из могил Большого Мыса беден по сравнению с вещевым комплексом Усть-Иши, не отличается серийной устойчивостью в погребальной атрибутике. Вещи из могил Большого Мыса типологически разнообразны, хотя выполнены едиными технологическими приемами, ведущей тенденцией которых является подшлифовка, оббивка, монолитно-отщеповая основа заготовки. Костяные вещи для инвентаря могильника не характерны. Вкладышевые ножи, как из могилы №1, и подобные вкладыши не встречаются на Усть-Ише. Встреченные в обоих могильниках морфотипы каменных изделий существенно различаются. Так, например, в сериях наконечников стрел на Усть-Ише выделяются треугольные формы и прямая база у листовидных, тогда как на Большом Мысе эти качества отсутствуют.

Принципы размещения украшений в могильниках различаются. Нашивки, распространенные в атрибутике мужского костюма Усть-Иши, для Большого Мыса не характерны. Во всех погребениях Большого Мыса украшения крайне скудны, подчинены иным задачам, чем на Усть-Ише. Как на одном, так и на другом могильнике особое место в наборе зубов животных в качестве подвесок и нашивок принадлежит бобру. На Большом Мысе значение его резцов имеет особо подчеркнутый смысл в ритуальной практике. На Усть-Ише место бобра, пожалуй, равноценно значению марала, лося, косули. Эти животные являются основными объектами промысла в лесах Катуня. Аналогичен видовой состав зубов животных в захоронении середины второй половины IV тыс. до н.э. из Нижнетыткескенской пещеры-1, содержавшем подвески из резцов бобра, соболя, косули, медведя, благородного оленя, лося и т.д. (Кирюшин, Кунгуров, Степанова, 1995). Таковой состав животных можно рассматривать как промысловый и у населения Катуня представленного периода истории. Если исходить из этой предпосылки и рассматривать значение животного с практической точки зрения, трудно недооценить роль лося в жизни населения оз. Иткуль. По результатам остеологического анализа костей с поселений оз. Иткуль, проведенных А.В. Гальченко, во все периоды истории заселения озера лось являлся ведущим объектом охоты. В таком случае подвески из

зубов лося должны бы преобладать в общем наборе подвесок. Тем не менее зубы лося не были встречены ни в одном погребении Большого Мыса. С одной стороны, у многих этнографических народов родовое животное является священным и на него наложено определенное табу. Лось же у жителей оз. Иткуль – основной объект охоты, а на таких животных роль родового тотема, как правило, не распространяется (Косарев, 1984). С другой стороны, лось мог выполнять определенную роль в бестиарии и занимать важное место в мире живых. Он – источник жизни, стоит на ступенях верхнего мира и служит силам жизни, а не тьмы, смерти. Его персонификация – солнце. Это могло бы объяснить отсутствие в могилах зубов лося.

Напротив, бобр, скорее всего, играл ведущую роль в магической практике в качестве помощника умершему человеку в контактах с нижним миром. Резцы бобра выполняли важное назначение при сопровождении покойных Большого Мыса в нижний мир. В традиции населения Катуня отношение к бобру выражено иным образом, чем на Иткуле, равно как и в погребениях китойской и серовской культур (Окладников, 1950, с. 385). На территории Верхнего Приобья наиболее поздние случаи положения в могилы резцов бобра или его челюсти рядом с покойными (мужчинами) известны в погребениях новочекинской и кулайской культур (Полосьмак, 1987, с. 105; Троицкая, 1979, с. 59). Этот факт выступает как атрибут патрилокального рода и на довольно широком хронологическом отрезке является устойчивым знаком отличия родовой принадлежности в угро-самодийской общности. У многих народов Сибири, индейцев Северной Америки особое место в бестиарии принадлежит бобру. Например, в XVI–XX вв. наибольшей популярностью он пользовался у хантов и кетов. Бобр связан с нижним миром и предками. Бобр охраняет сон, он – покровитель охоты. В качестве подношений шаману использовался череп или половинки нижних челюстей бобров. У восточных хантов крупный род бобра занимал внушительную по размерам площадь, охватывающую Васюганье, Конду, Юган и т.д. (Земля..., 1997, с. 100–102). По данным, приведенным А.В. Гальченко (Кирюшин, Кунгуров, Степанова, 1995, с. 77), бобры в большом количестве обитали в районе слияния Бии и Катуня, Бийского Приобья, включая предгорья и оз. Иткуль. Ближайшее к р. Ише поселение, где найдены кости бобра, – Майма-1.

Отдельные подвески, присутствующие в могилах Большого Мыса, представляют марала, косулю, медведя, лису, мелких (колонков, соболь) и крупных куньих.

Волк, возможно, лиса в бурятском эпосе – небесная собака, благодать, предвестник. Однако подобная персонификация божества характерна для идеологии тюркских и индо-иранских народностей, известна по культам Умай и бога нижнего мира. При этом не следует исключать то, что любое анималистическое воззрение имеет древнейшие корни.

Медведь – наиболее почитаем охотниками Сибири и находит выражение в охотничье-промысловых культах. В мифологии бурят он выступает как мужчина-охотник, сын неба, хозяин верхнего мира. Его образ многослоен. Череп, когти, зубы его использовались в качестве оберегов от злых духов, во время болезни шорцы на шею привязывали медвежий коготь. У остяков зуб медведя подвешивали над люлькой или надевали на шею ребенка (Косарев, 1984, с. 184), как в погребении №10 из могильника Большой Мыс. В якутском эпосе медведь – космический охотник, он гонится за лосем (оленом) – солнцем.

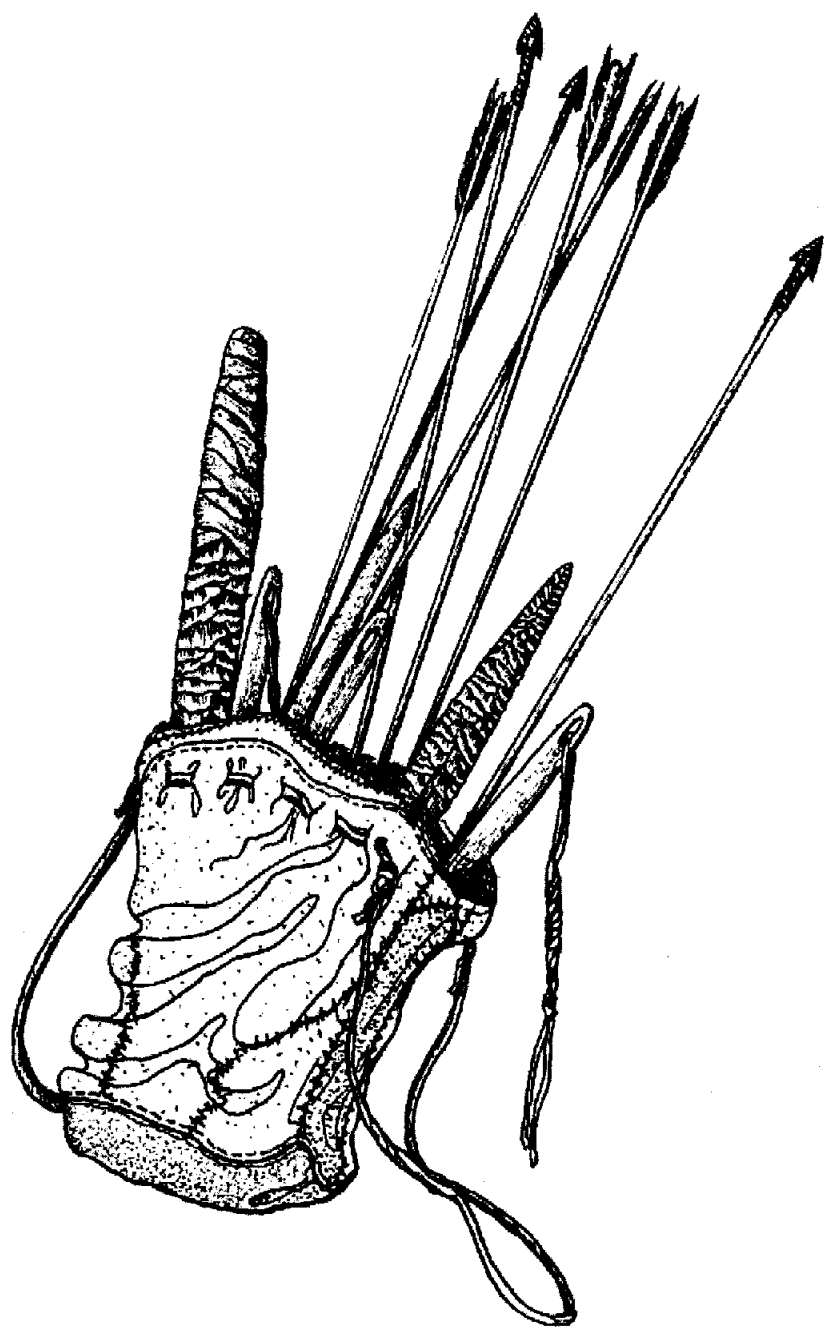
Кабан также почитаем многими народами, например, киданями. Бурятские шаманы использовали череп кабана в обряде избавления от злых духов (Цидендабаев, 1972, с. 207; Жамбалова, 1991, с. 123, 125–128). Детали оформления одежды, сделанные из клыков кабана, в обоих могильниках размещаются в районе головы – шеи детей и женщины. Аналогичные украшения известны во многих могильниках эпохи неолита, а также встречаются в могилах эпох бронзы и неолита на территории Средней Азии (Виноградов, 1981, с. 114, 115), Нижнего Поволжья (Васильев, 1980), Прибайкалья (Окладников, 1950), Барабы (Полосьмак, Чикишева, Балуева, 1989), южного Зауралья и т.д. Они не являются деталью, маркирующей отдельную культуру. Кабан, по сведениям А.В. Гальченко, обитал в районе лесостепной зоны Бийского Приобья.

В индейской этнографии известны случаи, когда человек постоянно имел при себе амулет, соответствующий второму имени. По этим аналогиям, в наших могильниках такими амулетами могут быть створки ракушек из мужского погребения №8 Усть-Иши, гипсовые розы из женского погребения №8 Большого Мыса.

Красная краска, гематит, охра встречаются в обоих могильниках в отдельных погребениях. Окраска погребенных, осыпание порошком краски не характерны по сравнению с обрядовыми практиками окраски китойских погребений в Прибайкалье. В практике положения в могилу кусочков гематита алтайские могильники, пожалуй, ближе к серовским. Не было проблем у населения Иши с поисками гематита. В 100 м по берегу выше могиль-

ника Усть-Иша Б.Х. Кадиков в шурфе обнаружил крупные обломки породы гематита.

Основываясь на материалах погребения №17 на Большом Мысе, но не располагая полными данными по погребениям Усть-Иши и Большого Мыса, В.И. Молодин вновь подтвердил их принадлежность к Кузнецко-Алтайской культуре и предложил удревнить ее относительную датировку до конца V–начала IV тыс. до н.э., а могильники не моложе этого времени (Молодин, 1999, с. 52). В свете изложенного погребение №17 Большого Мыса отличается от общей системы погребального обряда и инвентаря основного комплекса могильника по положению рук, оформлению кистей и богатству нашивок. Игольник, найденный в погребении, имеет сходство с игольниками из серовских погребений Прибайкалья (Окладников, 1976). Такие игольники не были встречены в рассматриваемых нами могильниках, но эта деталь является ценным дополнением в общей картине аналоговых связей. Эти факты дают основание относить погребение №17 к иной культурной традиции, отличающейся от Большого Мыса. Сравнивая погребение с материалами Усть-Иши, мы наблюдаем различия, выражающиеся в орнаментации одежды женщин, в размещении орнаментальных полос и деталей. Анализируя погребальный комплекс Усть-Иши, мы отметили бедность наличия украшений и сопроводительного инвентаря для женских захоронений. Даже для мужских костюмов орнаментальные полосы, проходящие по линиям пояса и ниже таза, не характерны. Фиксируемые орнаментальные ряды и цепочки размещены скошенно, а не горизонтально. Тем не менее принцип распределения подвесок и нашивок в погребении №17 имеет сходства с некоторыми прибайкальскими материалами серовско-китойского времени, на что обратил внимание В.И. Молодин (Молодин, 1999, с. 46). Это еще раз указывает на связь местного населения с представителями Прибайкальского неолита, но не подтверждает синхронность погребения №17 и могил основного комплекса Большой Мыс. При этом факт обнаружения такого погребения на оз. Иткуль является связующим звеном в процессе трансформации антропологического типа и культурных традиций.

Глава III. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ. ДАТИРОВКА. АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ТИП

1. Материальная культура и датировка

Вещи с Усть-Иши имеют аналогии в материалах Прибайкалья из могильников серовской и китойской культур. Каждую из этих групп характеризует определенный набор типов вещей, погребальный обряд. Усть-Иша и серовские погребения объединяют устойчивый набор предметов вещевого комплекса, а также особенности обряда – доминирующая ориентация погребенных по сторонам света, а именно – головой на северо-восток, восток; отсутствие охристого окраса погребенного и его ложа; укладывание в некоторые могилы кусочков гематита; наличие в большинстве могил крупных каменных клинков или острий с бифасиальным оформлением сторон с помощью встречных снятий. Характерным примером тому являются погребения могильников Серово, Верхнесередкино, Братский камень.

В сопроводительном наборе часто встречаются двухлезвийные вкладышевые костяные кинжалы или наконечники с двусторонне ретушированными вкладышами, отверстием в рукояточной части (Окладников, 1950, с. 80–85). Двусторонне обработанные клинки – кинжалы Усть-Иши сходны с подобными из погребения №8 у деревни Семеново, погребений №1, №7, №11 из могильника Серово, погребения №1 могильника Средкино, погребения №3 могильника Кежемка, погребения №8 могильника Братский Камень (Окладников, 1950, 1975, 1976). Костяные кинжалы по форме и технологии изготовления подобны кинжалам из погребений №1, №10, могильника Серово, погребений №1, №10 могильника Пономарево, погребения №2 могильника Исаково. У отдельных кинжалов исаковского времени из перечисленных могильников наблюдается такая деталь: острие не оснащено вкладышами, но края его заострены. Эта деталь отмечена на кинжале погребения №8 Усть-Иши и, скорее всего, определенно сближает материалы этих культур. Могильники Усть-Ишу и Прибайкальские – серовские, кроме всего прочего, объединяют гарпуны с чередующимися шипами и перекрестным креплением (погребение №8, деревня Семеново; погребение №3, Нижнесередкино). Топоры аналогичной формы известны также в серовских и исаковских могильниках Ангары.

В поисках сходств и различий между Усть-Ишой и байкальскими компонентами мы отметили аналогии в Усть-Ише со смешанными формами, характерными как для серовских, так и для ки-

тойских вещей. Такие вещи на Усть-Ише единичны и не определяют типологический ряд. Их сравнить с какой-либо характерной морфологической группой Прибайкалья довольно сложно. Скорее, в них мы встречаем срединные варианты для этапов. Так, например, форма наконечника гарпуна из могилы №9 Усть-Иши стоит близко к третьему типу гарпунов китойской группы (Георгиевская, 1989, с. 74, 89, 113). Гарпуны с асимметричными жалыцами и креплением с поперечно выступающим основанием встречены в серовских погребениях №3 из могильника Нижнесередкино, №8 из могильника Семеново, а также в китойских могильниках – Китойском и Усть-Белая. Большинство прибайкальских наконечников гарпунов оснащены круглым отверстием в основании для крепления линя. У гарпуна Усть-Иши крепление линя производилось за счет неширокого выступа – перехвата, также встречающегося среди указанных серий. Наиболее близкими китойским аналогам являются каменные основания рыболовных крючков из могилы №1 Усть-Иши. Такой тип оснований крючков известен как «китойский» (Георгиевская, 1989, с. 36, 40, 74). Эти крючки выступают в качестве маркирующего признака китойской принадлежности памятников неолита Прибайкалья. Их фактологическое и количественное значение в китойских погребениях отмечено исследователями как первостепенное (Окладников, 1950, с. 90; Георгиевская, 1989), в то время как находка маленькой группы оснований крючков на Усть-Ише только в одной могиле представляется атипичной для всего могильника в целом. На Катунь большое количество крючков, аналогичных китойскому типу, встречено в погребении Нижнетыткескенской пещеры-1 (Кирюшин, Кунгуров, Степанова, 1995), датированном по радиоуглероду серединой второй половины IV тыс. до н.э. (в среднем 3250–3350 л. до н.э.), совпадающем с радиоуглеродными датировками серовских и поздних китойских погребений Ольхона и Ангары (Конопацкий, 1982, с. 71–80), являющихся наиболее поздними в ряду датировок китойских погребений Прибайкалья (Мамонова, Сулержицкий, 1985, с. 18–19). При этом надо отметить, что формы изделий, в том числе и «посиная» трость, перекликаются с китойскими, например, из могильника Усть-Белая (Георгиевская, 1989, с. 74, 80, 86). При учете аналогов не исключена возможность некоторой омоложенности отдельных радиоуглеродных датировок погребения. Исходя из последовательности неолитических этапов Прибайкалья, могила из Нижнетыткескенской пещеры могла бы быть несколько более ранней, чем могильник Усть-Иша.

Оба могильника оставлены группами, эмигрировавшими в Горный Алтай из восточных регионов Сибири, возможно, даже в несколько разное время. По замечаниям М.М. Герасимовой, по-

стоянные контакты с западом в Прибайкалье начались в серовское время (Герасимова, 1992, с. 109). Это привело к метисации групп населения, выделению локальных вариантов, общей полиморфности антропологического типа (Мамонова, 1980, с. 87), что нашло отражение в Алтайских неолитических и раннеэнеолитических материалах. Погребения Катуня лежат в западных границах ареала распространения вариантов палеосибирской расы, формирующие компоненты которой следует искать среди монголоидов Восточной Сибири, поскольку к западу от Енисея черепа с аналогичной морфологией не встречены ни в одной из неолитических культур (Ким, Чикишева // Кирюшин, Кунгуров, Степанова, 1995, с. 101, 102).

Фигурные костяные нашивки, распространенные в могилах Усть-Иши, в южно-сибирских коллекциях не распространены. При этом экземпляры восьмерковидных нашивок Г.М. Георгиевская отметила в китойских погребениях №12, 14, 15 Глазковского могильника (Георгиевская, 1989). Скорее, этот тип украшений более характерен для катунского населения. Что касается перламутрового бисера, то он встречается на широкой полосе южных районов, богато представлен в кельтеминарском могильнике Тумек-Кичиджик в низовьях Аму-Дарьи, также присутствует в китойских и серовских погребениях. На территории Алтайской лесостепи бисер отмечен в погребении Долгая-1 в Рубцовском районе (Кирюшин, Казаков, Тишкин, 1996, с. 151, 155).

Крупные клинки и ножи с двусторонней обработкой были найдены в Кузнецком и Томском могильниках (Чернышов, 1953).

Несмотря на то, что могильники Усть-Иша и Кузнецкий в свое время отнесли к единой Кузнецко-Алтайской культуре, для Кузнецкого могильника костяные кинжалы вообще не характерны, вкладышевые орудия – иной морфологии, чем прибайкальские и с Усть-Иши. Кузнецкие двусторонне обработанные клинки и ножи представлены более широкими пропорциями. Среди ножей встречается асимметричная форма, характерная для Томского могильника и Старого Мусульманского кладбища (Кирюшин, Кунгурова, 1996). Техничко-морфологические показатели ведущих типов каменных изделий указанных трех могильников Томского Приобья между собой близки и имеют комплекс деталей, отличающих их индустрию от Усть-Иши и, тем более, от Большого Мыса. Пожалуй, изначально прав Н.А. Чернышов, пришедший к выводу о том, что вещи и система размещения могил Кузнецкого могильника аналогичны Томскому могильнику. Кузнецкий могильник связан с Томским могильником и представляет предшествующую ему ступень развития местного населения (Чернышов, 1953, с. 346).

Инвентарь из погребения Нижнетыткескенской пещеры среднего района Катунь морфологически отличается от стандартов Усть-Иши. Связать полностью эти могильники пока сложно, так как стерженьки – это, скорее, единственный признак, объединяющий их материалы. Несмотря на отмеченные сходства с китойскими материалами, нельзя также забывать, что речь идет о шаманском погребении со специфической атрибутикой, несколько нестандартной для обычного погребального инвентаря.

В целом анализ сходств и различий ведущих признаков позволил установить культурно-хронологическую близость материалов Усть-Иши материалам серовского этапа Прибайкалья. Это, несомненно, указывает на принадлежность группы населения Катунь ареалу распространения и влияния Прибайкальского неолита. Относительная датировка могильника, в соответствии со сравниваемыми коллекциями, укладывается в рамки существования серовского этапа. По предложенным Н.Н. Мамоновой и Л.Д. Сулержицким радиоуглеродным данным Прибайкальских групп, серовские могильники датируются в пределах от 3950 г. до н.э. по 3260 г. до н.э. Встречаемость усредненных с китойскими вариантов вещей позволяет остановиться на датировке могильника серединой – второй половиной IV тыс. до н.э. На территории Катунь изготовление крупных клинков-бифасов на поселенческих комплексах не зафиксировано. Похоже, обломки подобного изделия найдены в слое поселения Тыткескен-6 (Кирюшин, Кунгуров, 1994, с. 121).

Набор вещей из погребений Большого Мыса на оз. Иткуль довольно ограничен и, вероятно, не раскрывает полностью характер типологического ряда, который бы мог отразить содержание материальной культуры и четко определить хронологические рамки. Из всего материала удается выделить только типы наконечников стрел, вогнутые шлифованные ножи, топоры.

Сопроводительный инвентарь Большого Мыса находит аналоги в материалах поселений и могильников юго-западной лесостепной зоны Сибири. Подобные подшлифованные ножи, тесла, основания рыболовных крючков, как по отдельности, так и в комплексе, встречены в Верхнем Приобье на поселениях Киприно, Завьяло-во-8, Кротово-1 (Молодин, 1977), датируемых различными исследователями второй половиной IV тыс. до н.э. – первой половиной III тыс. до н.э. В верховьях Оби и на Бие аналогичные вещи встречены на поселениях Малоугренево, Фоминское, Енисейское, Быстрый Исток. На самом оз. Иткуль и прилегающих к нему реках известны поселения с вещами – полными аналогами инвентаря могильника Большой Мыс, к числу кото-

рых относятся Комарово-1, Ляпустин Мыс, Костенкова Избушка, Озерки Восточные, Коровья Пристань-2. Аналогичные вещи встречаются и на памятниках Томско-Тымского Приобья, относимых одним из авторов к новокусовской энеолитической культуре (Кирюшин, 1986, с. 22). Особенно интересны небольшие шлифованные ножи с вогнутым лезвием. Вогнутые ножи распространены в культурах лесной и лесостепной полосы Сибири, функционально связаны с использованием бересты (Кунгурова, 1993). Кроме могильника Большой Мыс они известны на памятниках: Малоугренево (4 экз.), Киприно (4 экз.), Ливадия (1 экз.), Кротово (1 экз.), Самусьский могильник (4 экз.) Новокусовской стоянки (2 экз.), поселение Тух-Сигат-IV (4 экз.). На последних из этих памятников есть следы литейного производства и даже обломки самих медных предметов. Подобные типы вещей встречаются в позднем неолите и раннем энеолите лесостепного Зауралья. В.Т. Ковалева отмечает их присутствие в кошкинских и полуденских памятниках IV–V тыс. до н.э. (Ковалева, 1989, с. 33, 34). Во всех погребениях разновременного могильника на Андреевском озере (Зах, Зотова, Панфилов, 1991), а также в поселенческом большемысском комплексе Танай-4а предгорий Салаира встречаются лепестковые украшения из резцов марала, вогнутые шлифованные ножи (Бобров, 1999, с. 32).

Для каменного материала памятников Верхнего Приобья хронологический аспект не разработан, так как критерии определяют все же чистые комплексы. Могильник Большой Мыс содержит материалы, датирующиеся в сравнительно широких пределах, и вопрос датирования могильника по вещам пока не решается однозначно. При определении его возраста один из авторов склонен говорить о первой половине – середине III тыс. до н.э. Могильник им включен в Большемысскую энеолитическую культуру (Кирюшин, 1986). Опираясь на результаты проведенных исследований материалов, можно заключить, что Усть-Иша древнее Большого Мыса и погребений на Костенковой Избушке. Анализ материалов позволяет наблюдать различия материальных культур, технологических и духовных традиций, из чего следует, что могильники отражают этапы освоения северных предгорий Алтая в IV–III тыс. до н.э.

2. Антропологический тип

Краниологические серии из могильников Усть-Иша и Большой Мыс, изученные В.А. Дремовым, достаточно репрезентативны в отражении морфологических особенностей групп населения Бийско-Катунской провинции IV–III тыс. до н.э. Вместе с

тем он не исключает элемент малочисленности и специфичности выборки (Дремов, 1980, с. 27). Результаты исследований были представлены В.А. Дремовым в научной литературе и хорошо известны.

Мы приводим сводку основных выводов, на основе которых получены представления о составе популяции.

В.А. Дремов, интерпретируя данные сравнительного анализа 9 черепов из Усть-Иши и 13 черепов из Большого Мыса, приходит к выводу об их принадлежности к одному антропологическому типу и взаимной морфологической близости. Их антропологический тип метисный, по монголоидному компоненту близок неолитическим сериям черепов Прибайкалья (Дремов, 1997, с. 31).

В лаборатории пластической реконструкции Института этнографии Л.Т. Яблонским были сделаны две реконструкции по черепам мужчин из могилы №4 Усть-Иши и из могилы №11 Большого Мыса, которые позволяют наглядно оценить характерный антропологический тип населения Бийско-Катунского региона, в котором нашло отражение смешение европеоидных и монголоидных компонентов (рис. 51).

Череп Усть-Иши и Большого Мыса характеризуют: длинная мезокранная и невысокая мозговая коробка, среднеширокий, наклонный лоб с сильно развитым надбровьем, высокое и широкое, умеренно уплощенное, орто-мезогнатное лицо, крупные, мезоконхные орбиты, узкий нос со средневыступающими носовыми костями и сравнительно высоким переносьем. В числе важных особенностей скелета следует отметить средний рост, для мужчин обеих серий 165,6 см, и мезоморфные пропорции тела (Дремов, 1980, с. 29).

Между собой черепа двух могильников различаются по абсолютным размерам, прогнатизму, выраженности рельефа. Череп Большого Мыса, по заключению исследователя, субдолихокранные с крупным продольным диаметром и малым высотным, они более мезогнатны с высоким указателем выступания лица. На Усть-Ише самые крупные образцы – ортогнатные. Средние размеры черепов Усть-Иши более европеоидны по сравнению с черепами Большого Мыса. На Усть-Ише выделяются черепа со скоплением черт явно европеоидного характера (женские черепа из могил №6 и №7).

В.А. Дремова, прежде всего, заинтересовало происхождение европеоидного компонента в составе населения Бийско-Катунского региона. Европеоидный компонент, вошедший в его состав, отличался большой высотой лица, а по верхнелицевому указателю не уступал неолитическим племенам Байкальского

района (Дремов, 1980, с. 41). При этом в Бийском районе мог быть представлен своеобразный вариант, отличающийся от материалов Прибайкалья сочетанием наклона лба и одновременно малой ширины носа. В районе же Прибайкалья от исаковской стадии к серовской и глазковской наблюдается тенденция притока европеоидных элементов в состав населения (Мамонова, 1983) и отмечена величина межгрупповых различий, значительная полиморфность антропологического типа жителей Прибайкалья (Мамонова, 1980, с. 87). На этом основании В.А. Дремов предположил, что причина возникновения своеобразия бийского варианта состоит в «эффекте родоначальника», обусловленного приходом с востока небольшой группы с комбинацией случайных признаков (Дремов, 1997, с. 40). Выяснение происхождения европеоидного компонента в данном случае – задача непростая. С этой целью В.А. Дремов сопоставляет суммарные признаки краниологических серий данных могильников и погребений с сопредельных территорий, совпадающих или близких им во времени. При этом Бийско-Катунскую серию он рассматривает как единую, опуская индивидуальные особенности каждого могильника в отдельности. Исследователь подчеркивает, что элементы европеоидности наиболее отчетливо проявляются в западной части большей расовой общности, включающей палеосибирский антропологический тип. Признавая расовую неоднородность материалов Кузнецко-Алтайской культуры (Окладников, Молодин, 1978), В.А. Дремов отмечает преобладание европеоидности у погребенных из могильников Кузнецкого и Лебеди-II по сравнению с Бийско-Катунской группой (Дремов, 1997, с. 60). Афанасьевские серии, по его мнению, резко отличаются от Усть-Иши и Большого Мыса. Не приходится говорить и о полном сходстве с афанасьевцами Енисея, хотя отмечены близкие признаки (Дремов, 1997, с. 40–41). Исходя из особенностей европеоидного компонента, выраженного в черепках погребений №6, №7 Усть-Иши, В.А. Дремов отметил его близость древним формам южной средиземноморской ветви европеоидной расы (Дремов, 1980, с. 41). Первоначальная территория распространения такого населения не известна, и в настоящий момент точно указать на конкретных ее носителей нельзя. В качестве гипотезы был предложен ареал формирования, находящийся на севере Средней Азии, юге Казахстана. В целом население как Усть-Иши, так и Иткуля «представляло собой не механически, а биологически смешанные группы, сложившиеся в процессе длительных контактов монголоидов и европеоидов» (Дремов, 1980, с. 39). По мнению исследователя, расхождения между сериями двух могильников совпадают с

обычными направлениями эпохальной изменчивости. На Усть-Ише дифференцированность в общей системе определяют женские черепа, проявляющие отличительные типологические особенности контактной (брачной) группы. Внутри краниологической серии Большого Мыса столь выраженной вариабельности не наблюдается.

Однако в свете археологических данных значение различий между антропологическими сериями могильников, выделенных В.А. Дремовым, могут получить иное объяснение.

В связи с этим С.С. Тур обратила наше внимание на то, что более поздние черепа из Иткуля не только имеют меньшие размеры, но и обладают отличительными особенностями, совершенно не объяснимыми процессами грацилизации. По ряду признаков они занимают промежуточное положение между черепами Усть-Иши и черепами Тумек-Кичиджика (Яблонский, 1986, с. 79–122), что позволяет допустить генетическую связь населения Бийского района с кельтеминарцами. Вместе с тем ослабления монголоидных особенностей, которого следовало бы ожидать от смешения с европеоидными кельтеминарцами, в антропологическом типе иткульской группы не наблюдается. По общей уплощенности лицевого скелета (УЛС) черепа из Иткуля никак не уступают черепам из Усть-Иши, они, скорее, даже более монголоидны. Не исключено, что в морфологическом облике иткульских черепов находит также отражение, моделирующее влияние относительно грацильного и низколицевого монголоидного типа со стороны Верхнего Приобья, присутствие которого там отмечается по материалам некоторых могильников (Дремов, 1997, с. 49–60). Совместное влияние этих разнонаправленных этногенных связей с кельтеминарцами и населением Верхнего Приобья, пожалуй, наиболее непротиворечивым образом могло бы объяснить формирование антропологического типа иткульцев на базе более древнего местного населения, оставившего могильник Усть-Иша. Близкую точку зрения высказал А.Н. Багашев в совместной работе с В.А. Захом (Зах, Багашев, 1998, с. 194–202).

В общей сложности антропологические материалы могильников показывают, что в эпоху позднего неолита-раннего энеолита северная предгорная зона Алтая находилась на стыке ареалов распространения расовых типов, взаимодействующих друг с другом, что подтверждается и археологическими материалами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Завершая работу по изучению могильников III–IV тыс. до н.э. Бийско-Катунского Приобья, отметим, что могильники этого времени редки и их нельзя рассматривать как основу, определяющую ту или иную культуру. Погребения в таких случаях выступают как один из ее компонентов. Вместе с тем уникальность могильников очевидна. Она обусловлена выразительностью сопроводительного инвентаря в отражении своеобразия обрядовой практики и традиционных мировоззрений групп населения. Велико ретроспективное значение материалов в исследовании социальных и хозяйственных аспектов. При всем богатстве и информативности погребального инвентаря решение вопросов этнокультурогенеза не дает радикальных ответов и содержит определенные сложности.

Антропологические данные позволяют рассматривать группы населения Усть-Иши и Иткуля как взаимосвязанный морфологический комплекс с палеомонголоидным субстратом. Вывод об единстве не находит прямых подтверждений в археологических материалах данных комплексов. Уже сейчас становится ясно, что в Кузнецко-Алтайскую культуру нет оснований причислять могильники с оз. Иткуль, существенные особенности которых, бесспорно, отличаются от характеристик первой. Принимая тезис об эпохальной изменчивости внутри одного антропологического комплекса Усть-Иша – Большой Мыс, следует обратить внимание на те изменения основных ценностей и традиций народа, которые трансформировали облик культуры в целом при условии существования общего генетического корня. В таком случае на уровне анализа различий краеологических признаков чрезвычайно важен аспект генезиса компонентов, участвовавших в формировании антропологической группы населения оз. Иткуль. Исследуя материалы могильников, мы пришли к выводу о том, что в основе формирования материальных культур двух групп населения лежат разные корни. Так, технико-морфологические особенности инвентаря Усть-Иши ближе всего стоят к традициям серовского этапа неолита Прибайкалья, материальная культура могильников оз. Иткуль сформировалась, вероятно, на субстратной основе тех же традиций, что и Верхнеобская культура. В культуре каждой группы нашла отражение специфика важных для жизнеобеспечения факторов окружающей среды (объекты промысла и почитания, состояние сырьевой базы). Оп-

ределение места населения Усть-Иши и Иткуля в общей картине этногенеза народов Западной Сибири сочетается с концепцией В.Н. Чернецова о выделении в позднем неолите двух субареалов: западного, распространенного от Урала до Иртыша, и восточного – от Оби до Енисея (Чернецов, 1973, с. 14). Как правило, рубеж культурных зон и их периферия порождают сложные гибридные образования – метисные культуры и их варианты. Дельта Бии явилась своеобразным рубежом природно-ландшафтных зон – горно-таежных и равнинных лесостепных и, скорее всего, указанных субареалов.

В изучении проблем неолита-раннего энеолита Алтая остается нерешенным ряд вопросов. Так, существуют сложности в разрешении проблемы взаимоотношений представителей Афанасьевской культуры и обитателей долины Катунь. До настоящего времени Усть-Иша продолжает оставаться единственным могильником долины Катунь, близких аналогий которому на территории Алтая не найдено. Морфологическая взаимосвязь антропологических групп могильников предполагает контакты или родственные связи на каком-то участке цепи этногенеза. В данном случае наши выводы лишь концептуальны. Без дополнительных материалов это выяснить сложно. Мы предприняли попытку анализа погребального обряда и материальной культуры групп населения, оставившего могильники. Наша публикация не решает поднятых проблем, а лишь приоткрывает отдельные сюжеты истории и ставит перед исследователями ряд вопросов. Открытия последних лет и исследование поселений и могильников этого времени помогут внести существенные дополнения в область изучения процессов этногенеза.

Литература

Абдулганеев М.Т. Поселение Комарово-1 – новый памятник эпохи раннего металла // Археологические исследования на Алтае. Барнаул, 1987.

Абдулганеев М.Т., Кадиков Б.Х. К археологической карте Красногорского района // Охрана и исследования памятников Алтая: Тезисы докладов и сообщений к конференции. Барнаул, 1991.

Алексеев Е.А. Южносибирские параллели в шаманстве кетов // Этнография народов Сибири. Новосибирск, 1984.

Бобров В.В. Материалы разрушенных погребений Кузнецко-Алтайской культуры // Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири. Барнаул, 1990.

Бобров В.В. Общая характеристика раннего комплекса поселения Танай-4а // Проблемы неолита – энеолита юга Западной Сибири. Кемерово, 1999.

Бобров В.В., Чикишева Т.А., Михайлов Ю.И. Могильник эпохи поздней бронзы Журавлево-4. Новосибирск, 1993.

Богораз В.Г. Материальная культура чукчей. М., 1991.

Васильев И.Б. Энеолит лесостепного Поволжья // Проблемы эпохи неолита степной и лесостепной полосы Восточной Европы: Тезисы докладов и сообщений к конференции. Оренбург, 1980.

Виноградов А.В. Древние охотники и рыболовы среднеазиатского междуречья. М., 1981.

Виноградов В.В., Итина М.А., Яблонский Л.Г. Древнейшее население низовий Аму-Дарьи. М., 1986.

Герасимова М.М. Черепа из Фофановского могильника (р. Ока, р. Селенга) // Древности Байкала. Новосибирск, 1992.

Георгиевская Г.М. Китайская культура Прибайкалья. Новосибирск, 1989.

Гинзбург В.В., Трофимова Т.А. Палеоантропология Средней Азии. М., 1972.

Дремов В.А. Новые материалы по антропологии неолитического населения Верхнего Приобья, Усть-Иша и Иткуль: Предварительное сообщение // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1973.

Дремов В.А. Антропологические материалы из могильников Усть-Иша и Иткуль (к вопросу о происхождении неолитического населения верхнего Приобья) // Палеоантропология Сибири. М., 1980.

Дремов В.А. Население Верхнего Приобья в эпоху бронзы (антропологический очерк). Томск, 1997.

Жамбалова С.Г. Традиционная охота бурят. Новосибирск, 1991.

Зах В.А., Багашов А.И. О сопряженности культурогенеза и расообразования в формировании неолитического населения Западной Сибири // Сибирь в панораме тысячелетий. Т. 1. Новосибирск, 1998.

Зах В.А., Зотова С.В., Панфилов А.Н. Древние могильники на Андреевском озере близ Тюмени // Древние погребения Обь-Иртышья. Омск, 1991.

Кирюшин Ю.Ф. Работы Алтайской экспедиции // Археологические открытия 1981 г. М., 1983.

Кирюшин Ю.Ф. Исследование энеолитических памятников лесостепного Алтая // Археологические исследования на Алтае. Барнаул, 1987.

Кирюшин Ю.Ф. Энеолит, ранняя и развитая бронза Верхнего и Среднего Приобья: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Новосибирск, 1986.

Кирюшин Ю.Ф. Периодизация культур неолита и бронзы Верхнего и Среднего Приобья // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул, 1988.

Кирюшин Ю.Ф. Проблемы хронологии памятников энеолита и бронзы Южной Сибири // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул, 1991.

Кирюшин Ю.Ф., Кадиков Б.Х. Итоги исследования археологических памятников на озере Иткуль // Барнаулу 250 лет: Тезисы докладов и сообщений к конференции. Барнаул, 1980.

Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М. Палеогеографические позиции археологических памятников у оз. Иткуль (Алтай) // Четвертичная геология и первобытная археология Южной Сибири: Тезисы докладов Всесоюзной конференции. Ч. 1. Улан-Удэ, 1986.

Кирюшин Ю.Ф., Казаков А.А., Тишкин А.А. Памятники археологии. Рубцовский район // Памятники истории и культуры юго-западных районов Алтайского края. Барнаул, 1996.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л. Многослойное поселение Тыткескень-6 на Катунь // Археология Горного Алтая. Барнаул, 1994.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгурова Н.Ю. Следы использования на каменных орудиях из погребений могильника на Старом Мусуль-

манском кладбище // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул, 1996.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А. Л., Степанова Н.Ф. Археология Нижнетыткескенской пещеры-1. Барнаул, 1995.

Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б. Итоги археологического изучения памятников энеолита и бронзового века лесостепного и степного Алтая // Алтайский сборник. Вып. XV. Барнаул, 1992.

Кирюшин Ю.Ф., Шемякина А.С. Работы на оз. Иткуль // Археологические открытия 1978 года. М., 1979.

Kirushin U.F. Eneolith and Bronse Age of Forest – Steppe and Steppe Altai // Journal of Kareen Ancient Historical Society Hanguk Sanggosa Harbo. Seoul, 1994.

Конопацкий А.К. Древние культуры Байкала. Новосибирск, 1982.

Ковалева В.Т. Неолит Среднего Зауралья. Свердловск, 1989.

Косарев М.Ф. Западная Сибирь в древности. М., 1984.

Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М., 1981.

Кунгурова Н.Ю. Шлифованные ножи Верхнего Приобья // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул, 1993.

Мамонова Н.Н. Население Ангары и Лены в серовское время по данным антропологии (к вопросу о межгрупповых различиях в эпоху неолита) // Палеоантропология Сибири. Новосибирск, 1980.

Мамонова Н.Н. К вопросу о межгрупповых различиях в неолите Прибайкалья // Вопросы антропологии. Вып. 71. М., 1983.

Мамонова Н.Н., Сулержицкий Л.Д. Возраст некоторых неолитических погребений Прибайкалья по радиоуглеродным данным // Археологические исследования в Восточной Сибири: итоги и перспективы. Иркутск, 1986.

Матющенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век) // Из истории Сибири. Вып. 9. Ч. 1. Томск, 1973.

Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие. М., 1966.

Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесного и лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск, 1977.

Молодин В.И. Неолитическое погребение на озере Иткуль и некоторые соображения по поводу погребальных комплексов данной эпохи в предгорьях и горах Алтая // Проблемы неолита-энеолита юга Западной Сибири. Кемерово, 1999.

Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. М.; Л., 1950.

Окладников А.П. Неолитические памятники нижней Ангары (от Серово до Братска). Новосибирск, 1976.

Окладников А.П. Неолитические памятники Средней Ангары (от устья р. Белой до Усть-Уды). Новосибирск, 1975.

Окладников А.П., Молодин В.И. Турочакская писаница // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978.

Перевалова Е.В. Эротика в культуре хантов // Модель в культурологии Сибири и Севера. Екатеринбург, 1992.

Полосьмак Н.В. Бараба в эпоху раннего железа. Новосибирск, 1987.

Полосьмак Н.В., Чикишева Т.А., Балыева Т.С. Неолитические могильники северной Барабы. Новосибирск, 1989.

Прыткова Н.Ф. Одежда чукчей, коряков и ительменов // Материальная культура народов Сибири и Севера. Л., 1976.

Троицкая Т.Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск, 1979.

Трофимова Т.А. Крaneoлогические материалы из могильника Тумек – Кичиджик (Предварительные данные) // Советская этнография. 1974. №5.

Цедендамбаев Ц.Б. Бурятские исторические хроники и родословные: историко-лингвистическое исследование. Улан-Удэ, 1972.

Чернецов В.Н. Этнокультурные ареалы в лесной и субарктической зонах Евразии в эпоху мезолита // Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973.

Чернышов Н.А. Кузнецкий неолитический могильник // Палеолит и неолит СССР // МИА. №39. М.; Л., 1953.

Яблонский Л.Г. Древнейшее население Южного Приаралья // Земля Верхнекетская. Томск, 1997.

Памятники истории и культуры северо-западного Алтая Барнаул, 1990.

Сельскому учителю о народных художественных ремеслах Сибири и Дальнего Востока. М., 1983.

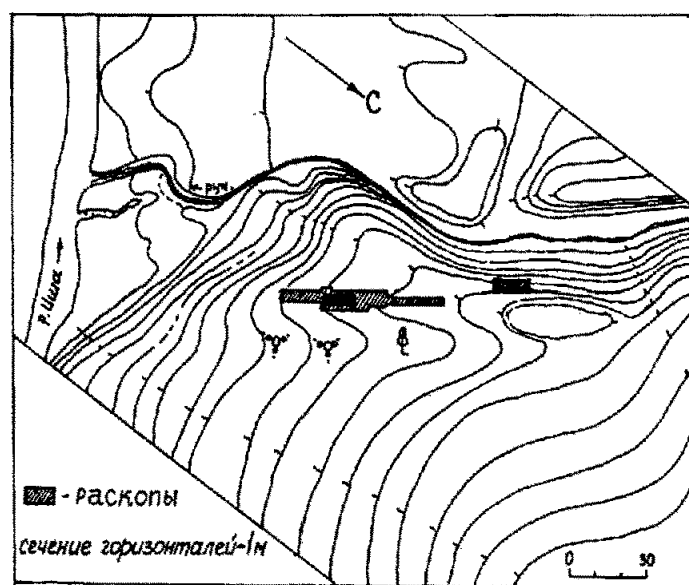
Семейная обрядность народов Сибири. М., 1980.

Приложение 1

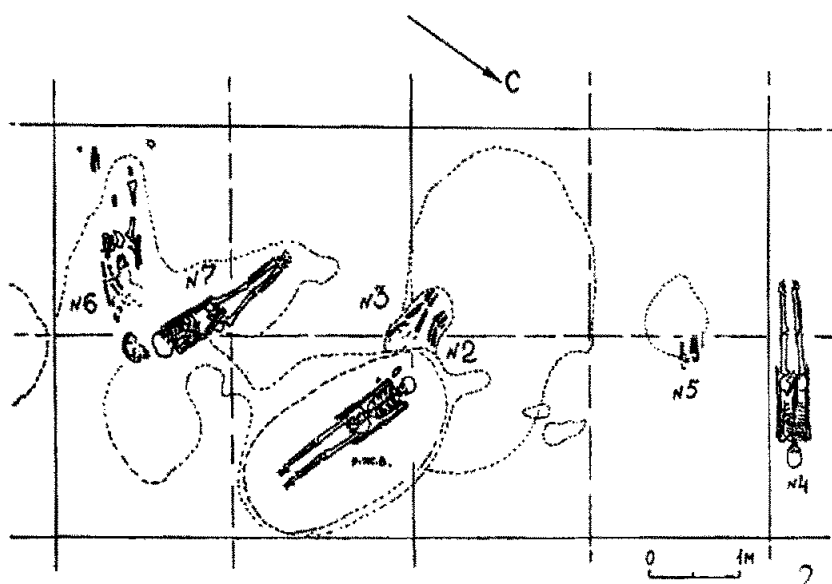
ТАБЛИЦА СООТНОШЕНИЯ ПОЛОВОЗРАСТНОГО СОСТАВА ЗАХОРОНЕНИЙ И ПОГРЕБАЛЬНОЙ АТТРИБУТИКИ

№ погребений	Пол	Возраст лет	Ориентация (по сторонам света)	Вооружение		
				кинжалы	рыб. снасти	нак. стрел
Усть-Иша						
1	Муж.	25–35	СВ	+	+	-
2	(?) (Жен.)*	7–9	В	-	-	-
3	Жен.	25–35	В	-	-	-
4	Муж.	30–35	СВ	+	-	-
5	(?) (Муж.)*	? (реб.)	СВ	+	-	+
6	Муж. (?) (Жен.)*	40–50	СВ	-	-	+
7	Жен.	20–30	ЮВ	-	-	-
8	Муж.	25–30	СВ	+	-	+
9	Муж.	50–60	СВ	+	+	+
10	Жен. (?)	?	?	-	-	?
11	Муж. (?)	?	?	-	-	?
12а	(?) (Муж.)*	? (реб.)	СВ	+	-	-
12б	(?) (Муж.)*	? (реб.)	СВ	+	-	+
13	Жен. (?)	?	?	-	-	?
Большой мыс						
1	Муж.	50–60	СВ	-	-	-
2	Муж.	30–35	СВ	-	-	-
3	Муж. (?)	25–35	СВ	-	-	-
4	Жен.	45–55	СВ	-	-	+
5	Жен.	18–20	ВСВ	-	-	-
6	Жен.	25–30 (?)	ВСВ	-	-	-
7	Жен. (?)	30–40	ВСВ	-	-	-
8	Жен.	25–35	В	-	+	-
9	Муж.	40–50	СВ	-	-	-
10	?	1,5–2	ВСВ	-	-	-
11	Муж.	50–60	СВ	-	-	-
12	Муж.	60–70	СВ	-	-	-
13	Муж.	До 40	СВ	-	-	+
14	Жен.	25–30	СВ	-	-	-
15	Муж.	?	?	-	-	-
16	Жен.	?	СВ	-	-	-
Сам.	Жен.	До 40	В–СВ (?)	-	?	?

Таблица составлена на основе определений пола и возраста, сделанных В.А. Дремовым в 1969 г.: (?) – захоронения с невыраженными диагностирующими признаками; (Муж.)* – заключения, корректируемые на основе состава сопроводительного инвентаря.

1

2

Рис. 1. Могильник Усть-Иша.
Схема расположения раскопов (1), план погребений №2-7 (2)

Рис. 2. Могильник Усть-Иша:

1. Общий вид. Снимок с левого берега р. Иша;
2. Раскопки погребений: эпохи раннего железа, №6 (зачистка), №7 (в центре)